

Управление социального развития и взаимодействия с
территориями Горнозаводского муниципального района

Муниципальное учреждение культуры «Горнозаводская
центральная межпоселенческая библиотека»

Информационно-краеведческий центр

Край мой родной...

Киреевские краеведческие чтения

Выпуск 10

**История политических репрессий
в Горнозаводском районе**

Горнозаводск
2010

ББК 63.3(2)615-4(235.55)
К-43

К-43 Киреевские краеведческие чтения. История политических репрессий в Горнозаводском районе / МУК «ГЦМБ» ; ИКЦ ; сост. М.С. Шарапова. – Вып. 10(2009).– Горнозаводск, 2010. – 64с. – (Край мой родной).

Десятые районные краеведческие Киреевские чтения
27 ноября 2009 г.
Программа

Вступительное слово

Наталья Николаевна Русских,
директор МУК «ГЦМБ», г. Горнозаводск

Доклады:

Из истории политических репрессий в России

Анна Александровна Франко, научный сотрудник
МУК «Горнозаводский краеведческий музей им.
М.П. Старостина», г. Горнозаводск

Память...

Александр Сергеевич Вradий,
г. Горнозаводск

Судьба семьи в истории страны

Светлана Двоеглазова, ученица МОУ СОШ №3,
г. Горнозаводск

Теплогорские поселения

Тимофей Николаевич Гимадудинов, краевед,
п. Теплая Гора

По местам спецпоселений района

Борис Георгиевич Булычев,
г. Горнозаводск

История одной семьи

Валентина Павловна Чувызгалова,
заведующая библиотекой п. Пашия

Такие были времена

Галина Викторовна Мельникова,
заведующая библиотекой п. Промысла

Из воспоминаний жителей поселка Кусье-Александровский

Софья Георгиевна Машкина,
заведующая библиотекой
п. Кусье-Александровский

Из истории политических репрессий в России.

История репрессий уходит корнями в далекое прошлое. При Иване Грозном вместо княжеской власти стала устанавливаться царская власть, по образцу восточных деспотий, (несомненное влияние оказало татарское иго). На Руси постепенно начало утверждаться самодержавие. Иван Грозный создал вторую, «опричную», полностью послушную ему Боярскую думу. Большинство членов прежней Думы в годы опричнины было уничтожено. Из тридцати четырех бояр и девяти окольничьих (высокий придворный чин) прежней Думы к 1572 году пятнадцать бояр и четыре окольничьих было казнено, три боярина насильственно пострижены в монахи. В конечном счете царь не оставил в Думе никого, кто входил в нее до опричнины. В эпоху Екатерины II (вторая половина XVIII века) за любую провинность барин мог отправить непокорного в Сибирь на рудники. В конце 19 века появились в русской среде революционеры. Политический режим, установленный в октябре 1917 года, приобрел законченный вид при Сталине. К началу 30-х годов в Советском Союзе власть Сталина стала абсолютной, никем и ничем неограниченной.

Из 140 миллионного населения России, фабрично-заводские рабочие, те, кого Ленин считал пролетариями, составляли лишь около четырех миллионов человек. Власть незначительного меньшинства над подавляющим большинством населения могла существовать только с помощью массовых репрессий, террора, всеобщего устрашения. Декретом 21 февраля 1917 года в стране фактически была восстановлена смертная казнь. В первую очередь репрессиям подверглись политические противники большевиков и духовенство. В 1918 году в России было 150 тысяч священнослужителей. К 1941 году из них было расстреляно 130 тысяч. Накануне Великой Отечественной войны в Пермской епархии осталось всего 11 приходов. При активном участии комсомольцев осенью 1929 года Архангело-Пашийская Свято-Троицкая церковь перешла во владение молодежи и «общественности».

В 1937 году была закрыта Богородицкая церковь в поселке Кусье-Александровский. Были разрушены храм в поселке Бисер и часовня в поселке Теплая Гора.

*Кусье-Александровская церковь.
Певчие 1906 г. (фото ГKM)*

С ноября 1934 года стали действовать для вынесения приговоров по делам «врагов народа» и членов их семей внесудебные органы - так называемые особые совещания (из 2-3 человек), отправившие в лагеря и на смерть многие тысячи советских людей. С декабря 1934 г. был введен «упрощенный порядок» рассмотрения дел «врагов народа», по которому следствие должно было закончить свою работу в течение

десяти дней, обвинительное заключение вручалось обвиняемым за сутки до суда, дела слушались без участия сторон, а просьбы о помиловании запрещались.

На Урале ядром якобы антисоветских сил была представлена «Уральская контрреволюционная организация правых» (сторонников Н. Бухарина) во главе с повстанческим штабом, руководимым секретарем Свердловского обкома ВКП (б) И.Д. Кабаковым. Областная организация делилась на шесть окружных, в Прикамье выделялись организации - Пермская, Березниковская, Коми-Пермяцкая. На территории современной Пермской области в эти годы, по архивным данным, было уничтожено более 7 тысяч человек. В районах Прикамья почти полностью был сменен директорский корпус на промышленных предприятиях, руководители и специалисты сельского хозяйства районного и местного уровней.

Конституция 1936 года объявила, что Советский Союз является социалистическим государством рабочих и крестьян, в котором ведущая роль принадлежит рабочему классу. Интеллигенции насчитывалось около 11 миллионов человек. Основная масса народной интеллигенции была представлена низшими чинами государственной бюрократии, учителями, врачами, инженерно-техническими работника-

ми. В 1924 году впервые опубликован список граждан города Перми, лишенных избирательных прав (1241 человек). Такой репрессии по Конституции РСФСР подвергались представители «эксплуататоров» и духовенства. В последующем публикации подобных списков стали регулярными. С середины 1960-х годов начинается диссидентское движение, с которым власти боролись достаточно жестко: инакомыслящих направляли в лагеря, спецпсихбольницы, лишали гражданства. Наиболее распространенной формой борьбы с инакомыслием была так называемая профилактика, когда человека приглашали в местный отдел КГБ и проводили соответствующую беседу.

Волна массовых репрессий конца 20-х годов, нанесла удар по интеллигенции и крестьянству. Коллективизация явилась наиболее широкомасштабной репрессией власти против собственного народа. Выступления крестьян против советской власти начались еще в 1918 году. Так на Урале в Пермском округе крестьяне выступали против изъятия излишков хлеба (выступления в Осинском, Кунгурском, Усольском и Пермском уездах), против мобилизации в Красную армию (восстание в Ключевской волости Кунгурского уезда). В октябре 1921 года в Кунгуре состоялась беспартийная крестьянская конференция. Крестьяне отказались поддержать продовольственную политику большевиков, и конференция была закрыта властями. В 1932 году раскулачили зажиточного крестьянина станции Пашия Чусовского района Павла Полуэктовича Польшалова. До сих пор земля, где жила семья Польшаловых носит название «Польшалово поле». По масштабам кулацкой ссылки и использованию труда её контингента Урал в 1931-1932 годах вышел на первое место среди регионов размещения спецпереселенцев. В их числе были 14 районов Прикамья.

Наибольшее количество ссыльных в 1930-1932 годы приняли Коми-Пермяцкий округ, Березниковский, Ныробский, Чердынский, Чусовской, Добрянский районы.

Всего на территории Горнозаводского района насчитывалось более 50-ти спецпоселений. В 1947 году принят закон об усилении ответственности за имущественные преступления, по которому в СССР вводились сроки заключения в 20 и 25 лет даже за мелкие хищения государственной собственности и за недонесение о таковых. Отныне едва ли не главной фигурой в лагерях стал колхозник, укравший мешок картошки. Наряду с политзаключенными в лагерях после войны оказалось и немало тех тружеников, которые не выполняли существо-

вавшие нормы выработки. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года местным властям было предоставлено право, выселять в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве. 33 категории людей определяли на спецпоселение, а в каждой категории - своя классификация. В Пермской области на спецпоселении находилось 10 категорий переселенцев. На 1 января 1953 года в стране было около 3-х миллионов спецпереселенцев, из них - 87 тысяч в Молотовской области.

Характер административно-командной системы сказывался на взаимоотношениях наций и народностей. Под видом федерации в 30-е годы XX века утверждалось жёсткое централизованное государство. Искажалась и сама национальная структура страны. В докладе о проекте Конституции СССР 1936 года Сталин говорил, будто у нас существует лишь 60 национальных общностей, в то время как их было, по крайней мере, в два раза больше.

В 1940 году в Пермскую область прибыло семь эшелонов с депортированными поляками (осадниками) из западных областей Украины и Белоруссии - около 10 тысяч человек, эшелон с административно высланными беженцами из западных областей Украины и Белоруссии - более 1000 человек, в основном евреи. В связи с массовой депортацией карачаевцев и калмыков, обвиненных в сотрудничестве с гитлеровцами, часть калмыков была выслана в Молотовскую область. Также в Молотовскую область в 1944 году были высланы крымские татары, болгары, греки, армяне, немцы и подданные других государств. В Юго-Осокинский район прибыли спецпереселенцы из Крыма (греки, армяне, болгары, украинцы и русские) - 237 человек. В ПФЛ № 0302 прибыло 4500 человек из Финляндии.

Всероссийская перепись 2002 года подтвердила, что Пермская область по-прежнему остается одним из самых полиэтнических субъектов Российской Федерации - представители свыше 120 национальностей проживают на ее территории.

16 августа 1941 года, когда советские войска отступали по всему фронту и многие части попадали в окружение, был подписан приказ № 270, согласно которому семьи пленных командиров и политработников подлежали репрессиям, родные же солдат, оказавшихся в плену лишались льгот. А ведь в плен попадали по-разному. Чаще всего это были бойцы, получившие ранения или израсходовавшие все боепри-

пасы. Окружение соединений и частей происходило в основном из-за просчетов командования. Около 2 миллионов солдат после освобождения из фашистской неволи были направлены в сибирские и ухтинские лагеря.

Первые упоминания о концентрационных лагерях связаны с восстанием чехословацкого корпуса. Именно туда нарком по военным и морским делам Л.Д.Троцкий предложил помещать чехословаков, отказавшихся сдавать оружие. Законодательно создание концентрационных лагерей было закреплено в постановлении «О красном терроре» 5 сентября 1918 года.

В августе 1919 года создается концентрационный лагерь в Перми. В октябре 1920 года организован Кизеловский рабочий отряд заключенных для работы на шахтах. Среди заключенных было много казаков с Кубани, Дона, Терека, приговоренных «до конца гражданской войны». В январе 1921 года создан концентрационный лагерь в Оханске, а в октябре 1922 года в Кунгуре. В 1932 году организована исправительно-трудовая колония в Кудымкаре для осужденных жителей Коми-Пермяцкого автономного округа. С 1923 по 1926 годы Соловецкий лагерь был единственным в стране лагерем для политзаключенных, не считая сети политизоляторов.

*Барак Вишлага в городе Краснокамске.
Фото 1999 года.*

В 1926 году появилось Вишерское отделение СЛОНа. В 1930 году Госплан СССР издал распоряжение о включении труда заключенных в плановую экономику. С этой целью в качестве подразделения НКВД - ОГПУ было создано Главное управление лагерями (ГУЛАГ). По данным, представленным в обком партии, в Молотовской области в 1942 году находилось 56 стро-

ительных рабочих колонн, около 50 тысяч человек было занято на строительстве, лесозаготовках. Всего на предприятия Молотовской (Пермской) области в годы войны было завезено не менее 28 тысяч трудмобилизованных немцев.

Система ГУЛАГа достигла своего апогея именно в послевоенные годы, так как к сидевшим там с середины 1930-х годов «врагам народа» добавились миллионы новых. Тысячи людей гибли от непосильного труда на лесоповале в Коми округе, Чердынском, Соликамском, Усольском районах. На костях политзаключенных построены шахты Кизела, Губахи, Гремячинска, Широковской и Камской ГЭС, крупные предприятия и районы Перми, Березников, Соликамска. Не стал исключением и Горнозаводский район (до 1965 года входивший в состав Чусовского района). Согласно справке из мемориального музея истории политических репрессий и тоталитаризма, на территории нынешнего Горнозаводского района находилось три лагерных пункта в поселках Медведка, Пашия, Кусье-Александровский. К концу 1954 года в лагерях и лагерных отделениях УИТЛК Молотовской области содержалось 62 тысячи человек.

Лагерь политзаключенных «Пермь-36»

Всему миру печально известен так называемый «Пермский треугольник», в который входили политзоны «Пермь-35, 36, 37». Известны они тем, что в них коммунистический режим в 70-80-е и вплоть до 1992 года изолировал инакомыслящих. Инакомыслие расценивалось как преступление, более опасное, чем уголовное. По инициативе политзаключенных мордовских и пермских лагерей 30 октября (1974г.) был объявлен днем советского политзаключенного. С тех пор отмечается регулярно.

Со смертью Сталина 5 марта 1953 года началось изменение политической системы СССР. Амнистия от 27 марта 1953 года освободила 1,2 млн. человек. Было прекращено «дело врачей». В 1954 году реабилитированы жертвы «ленинградского дела», в ноябре 1955 года - Еврейского антифашистского комитета. Были освобождены и реабилитированы арестованные после войны военачальники, положено начало пересмотру политических обвинений 30-х годов. Всего до начала 1956 года только военной коллегией Верховного суда СССР реабилитировано 7,5 тысяч человек. За период 1956-1961 годы было реабилитировано почти 700 тысяч человек (т.е. в 100 раз больше, чем за 1953-1955 годы). В январе 1957 года Верховный Совет СССР восстановил национальную государственность балкарского, ингушского, калмыцкого, карачаевского, чеченского народов. Началось их возвращение на историческую родину. По данным Государственного общественно-политического архива Пермской области (ГОПАПО) от 20 октября 2006 года репрессированных граждан в Горнозаводском районе было 593 человека.

*Памятник на Егошихенском кладбище.
Город Пермь.*

В законе Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года дано определение понятия «политические репрессии». Политическими репрессиями признаются «различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения

жизни или свободы, помещение на принудительное лечение в психиатрические лечебные

учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям

судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами.

Александр Сергеевич Врадий,

г. Горнозаводск

Память...

В одном из номеров газеты «Труд» я прочитал фразу: «Отвалите вы с вашим 37 годом...». Но может настать такое время, когда мы с вами сами отправимся в такие места, куда ссылали наших родителей в годы репрессий. И чтобы этого больше не произошло, мы сегодня здесь и собрались. В те годы в стране творился полный беспредел, уничтожался собственный народ.

Через 10-15 лет об этой странице истории нашей страны будут рассказывать, как теперь о походах Ермака. Это будут небылицы или басни. Очевидцев тех событий не будет, не будет и их детей. Информацию правдивую о репрессиях нужно собирать сейчас, и рассказывать молодежи о том времени надо сегодня.

В новом атласе за 2009 год уже нет сведений о поселках спецпереселенцев. А на картах 50-х годов XX века были поселения: Ивановское, Именнушенский, Колдоватый, Комаров Лог, Коростелевка, Тюшевское, Советский Север, Урайка, Уреф, Чизма, Шалдинский, Шишиха, Щегровитый.

Мою маму в 1930-м году в 16 лет в вагонах для телят привезли в наш край. Мы так и не знаем, за что выслали семью. Дед, что-то сказал не так, его расстреляли. Бабушку выслали на Урал. Она умерла той же зимой, осталось трое детей. В поселке Именнушенский жила 61 семья (240 человек). В детстве я не слушал рассказы мамы, знаю о тех временах немного. Неповинных ни в чем людей загнали на холодную уральскую землю. Здесь ничего не росло. Люди в 50 градусную стужу, без обуви и одежды, болели и умирали. В наши дни на месте поселка осталась поляна (урочище). Людей, живших в те годы в Именнушенском, почти нет.

Я задумался о том, что память о наших близких надо сохранить.

В Теплую Гору приехали добровольцы из Перми с Робертом Латыповым, с ним были волонтеры из Германии и Англии. Я привез де-

тей из детского дома. Мы общались с жителями, расспрашивали старожилов о тех временах.

Тогда же появилась идея ставить кресты на местах спецпоселений. Написали проект «Газпром - детям», но денег на него не дали. Администрация района нас не поддержала.

Самые первые деньги мне дали немцы, они прислали одну тысячу евро. Первые кресты на местах спецпоселений освятил священник.

Трудно было ставить кресты на берегах рек. Поставили 12 крестов, планируем поставить ещё

6 крестов. Один уже готов, но трудно доставить на место спецпоселения Дальний Тырым.

В нашем районе сохранились названия спецпоселений. А в Свердловской области и того нет. Поселки называли по номерам: 20-й, 30-й, 40-й. И у нас скоро на картах не будет информации.

Я предлагаю определить места спецпоселений в нашем районе и нанести на карту, пока их могут показать бывшие спецпереселенцы, которых осталось совсем мало. А через несколько лет все зарастет ле-

сом, а о репрессиях и людях, погибших в те годы, забудут. Кресты из дерева недолговечны всего на 5-6 лет. Нужны обелиски из камня.

Нужно встречаться с детьми, молодёжью, рассказывать о репрессиях и людях прошедших через это. Хочется, что бы не только немцы,

голландцы, американцы расспрашивали о репрессиях, но и наши люди интересовались своей историей.

Спецпоселения для репрессированных были во многих поселках нашего района. Пока что-то можно сделать, узнать, необходимо действовать. Надо привлечь учителей истории всех школ района к сбору сведений о репрессиях и репрессированных. Конкретной работой учителей-историков может стать поиск информации в архивах города Перми. Там тысячи документов о репрессиях, расстрелах, о разрушенных судьбах людей и целых семей. Очень жалко, что таких энтузиастов среди учителей я не вижу. Печально, что молодежь не хочет знать о тех временах и никто их к этому не подталкивает. Вот потому мы живем с разрушенными церквями и разбитыми памятниками. Пример тому изуродованный памятник Ленину в Пашии и памятники героям гражданской войны. Только от равнодушия к нашей истории мы так и живем!

*А.С. Вradий и волонтеры устанавливают кресты
в спецпоселениях Горнозаводского района*

Светлана Двоеглазова,
ученица МОУ СОШ № 3, г. Горнозаводск

Судьба семьи в истории страны

Об истории своей семьи я задумалась, когда прочитала в газете «Новости» № 127 от 30 октября 2007 года статью «Вспоминаю с болью в сердце», которую написала моя бабушка Двоеглазова (Врадий) Тамара Борисовна. В нее она включила воспоминания своей мамы Сазоновой Пелагеи Емельяновны. Меня очень заинтересовала история моей семьи, ее жизнь в трудные 30-е годы прошлого столетия.

В семейном альбоме хранятся фотографии и документы – немые свидетели тех времен. Рассматривая их, я задалась целью: узнать более подробно о событиях того времени, условиях жизни и причинах нахождения моих родных в ссылке на Урале. Мой интерес поддержали папа, бабушка и дедушка. Они посоветовали обратиться к книгам, в которых рассказывалось о суровом времени 30-х годов. Я познакомилась с книгами о политических репрессиях «Годы террора».

Что такое репрессия? Репрессия - карательная мера, наказание, применяемое государственными органами.

Работая с книгами, встречаясь с очевидцами, я узнала места, где были поселения, куда принудительно высылались самые трудолюбивые крестьянские семьи, и отметила их на карте нашего района.

Воспоминания непосредственных участников событий, их детей и родственников повествуют о неизвестных, по сей день, трагических судьбах отдельных семей, проживающих с суровых 30-х годов XX века по настоящее время на территории Горнозаводского района.

Работу выполняла под руководством учителя истории, которая помогла сделать ксерокопии газетных статей, участвовала в оформлении логики, имеющегося материала, корректировала оформление работы.

Глава 1. Насилие без границ

После окончания Гражданской войны в стране начался подъем промышленности и сельского хозяйства. Наиболее трудолюбивые и предприимчивые крестьяне стали своим трудом, а иногда и трудом наемных работников, быстро развивать свое единоличное хозяйство.

Появились крепкие дома, на подворье сельскохозяйственный инвентарь, техника, кустарные мастерские и скот.

В это время правительство приняло постановление о развитии совместных коллективных хозяйств. Создание колхозов проводили ускоренными темпами, с нарушениями всяческих норм и требований. Бедняки записывались в колхозы добровольно и без проволоочки. Они понимали, что легче прожить, имея коллективную собственность, да и жалеть им было особо нечего – подворье их было бедное, дома худые. Зажиточные крестьяне сопротивлялись. Им было жаль отдавать в коллективную собственность свое имущество. Они не торопились записываться в колхоз, выражали недоверие и недовольство.

Чтобы подавить сопротивление и недовольство крестьянства, правительство принимает решение – раскулачить и репрессировать всех зажиточных крестьян в районы Крайнего Севера, Северного Урала и Сибири. Эти районы нуждались в умелых руках и дешевой рабочей силе.

В местах ссылки высланным предстояло строить новые предприятия, добывать полезные ископаемые, развивать леспромхозы. С этого времени их стали называть «кулаками» и «врагами народа». Кто такой кулак? Кулак – богатый крестьянин – собственник, эксплуатирующий батраков, бедняков. Практически раскулачивание проводилось как ограбление крестьян, так как у них изымалось все имущество, одежда, домашняя утварь, продукты питания.

В результате раскулачивания и репрессий сотни тысяч крестьянских семей отправились по этапу в районы Крайнего Севера, Северного Урала и Сибири, где им предстояло в качестве дешёвой рабочей силы строить предприятия, развивать леспромхозы, добывать полезные ископаемые. Этим решалась еще одна государственная задача того периода – развитие промышленности и повышение уровня жизни советских людей.

Одновременно раскулачивание проходило и на Урале. Здесь людей высылали из обжитых районов Пермского округа в глухие и отдалённые районы, на худшие земли. Всем раскулаченным в сопроводительных документах навешивались ярлыки: «сын попа», «белогвардеец», «сектант», «шпион».

Количество высылаемых устанавливалось планом «сверху», а кого высылать решало собрание бедноты, правление колхоза или специальные комиссии. При этом в составлении списков на выселение

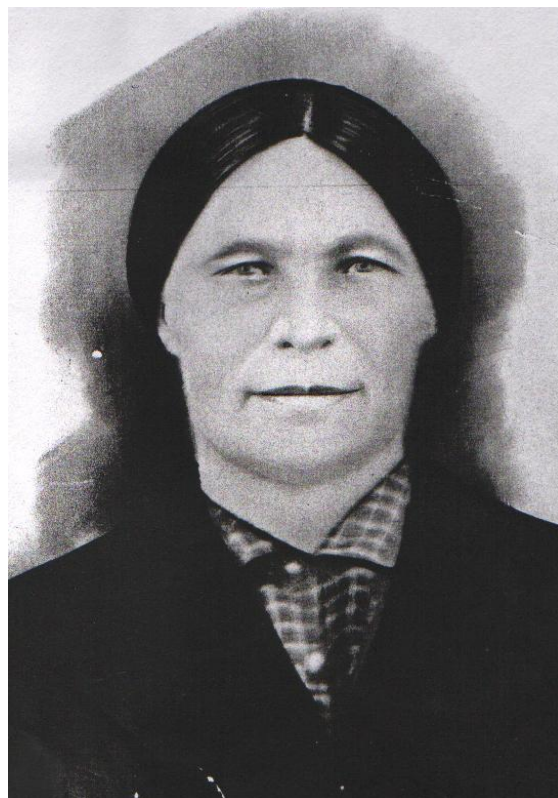
немалую роль играли обиды, зависть, неприязнь и наговоры отдельных личностей: соседей или местного начальства.

Высылали переселенцев целыми семьями, в том числе стариков и малых детей. Так семья И.З. Лукашина, которому на время ссылки было 70 лет, состояла из семи человек, семья В.И. Жужи из восьми человек. «Трудоспособного населения, включая четырнадцатилетних детей, было 40%».

О выселении сообщали за 5-6 дней, а иногда и за 2-3 часа, когда подвода уже стояла за окном, не оставляя времени на сборы и прощание с односельчанами. С собой разрешалось брать только самое необходимое: одежду и съестные запасы на несколько дней.

«Вся полнота власти над спецпереселенцами принадлежала коменданту НКВД». Кто такой спецпереселенец? Спецпереселенец – сосланный в отдалённые районы СССР, как правило, из числа раскулаченных.

Глава 2. История моих родных – вынужденных переселенцев

*Прапрадед Сазонов Емельян Митрофанович
и прапрабабушка Марфа Евтеховна.*

Одним из таких зажиточных хозяев был мой прапрадед – Сазонов Емельян Митрофанович. Он был крепкий, властный, с твердым характером, трудолюбивый человек. Такого же отношения к труду он требовал и от других членов семьи. Прапрабабушка Марфа Ефтеховна была совсем другого характера: добрая, сердобольная. Она часто, скрывая от мужа, помогала бедным, которые обращались к ней: то зерна даст, то муки насыплет. Не забывала и свою мать, и братьев. Потихоньку уносила из дома хлеба. За это немного ей попадало от мужа.

В хозяйстве у прапрадеда имелось: земля, дом-пятистенки, подворье, сельскохозяйственный инвентарь, домашний скот и была куплена старая ветряная мельница.

Вся семья работала на своем единоличном хозяйстве, трудились с утра до вечера в поте лица. Работали все: взрослые и дети. Чтобы вовремя посеять хлеб и собрать урожай, в поле брали даже грудных детей. В нашей семье в поле умерла маленькая девочка. Всю ночь, уставшая на работе, женщина провела у гробика своей малютки. Когда сон все-таки сморил ее, зажженная свеча упала и загорелась простынка на девочке.

В доме ценили и сберегали каждую копейку. Все доходы, которые приносило сельское хозяйство, тратились на восстановление ветряной мельницы. Денег всегда не хватало. Позже прабабушка Пелагея вспоминала: «Все девочки пришли во второй класс в новых платьях, а мне перекрасили выцветшее старое, в котором я ходила целый год в первом классе. Экономили на всем, и поэтому мне попадало даже за сломанное школьное перышко».

Семью моего прапрадеда – Сазонова Емельяна Митрофановича, его жену – Сазонову Марфу Евтеховну, их детей: Пелагею – 14 лет, Алексея – 13 лет и Татьяну – 2-х месяцев выслали из деревни Столпни Рогачевского района, Гомельской области на Урал. Как же трудно, наверное, было моим родным, имевшим свой дом, сад, небедное подворье, землю, которую любили, лелеяли, заботились о ней, отдавали ей все свое время и все силы, оказаться нищими. Они лишились в одночасье всего того, что нажили за свою жизнь, и того, что было им очень дорого.

Рано утром, когда родители занимались хозяйством, а дети собирались в школу, в дом пришли уполномоченные. Они объявили о конфискации всего имущества и высылке семьи на Урал.

Тут же сделали опись имущества. С собой в дорогу разрешили взять необходимые теплые вещи, постельное белье и продукты питания на несколько дней. Кроме этого велели взять инструменты для работы: лучковую пилу и топор. (Этот топорик бережно храниться в нашей семье до сих пор). Все необходимые вещи связали в узлы. Дети тихонько радовались – они хотели посмотреть новые места, проехать на поезде. Тогда они еще не знали, что их ждет впереди. Как собрать маленькую Таню в дорогу, прапрабабушка не знала. Она поникла, ходила из дома в сени сама не своя, плакала и причитала. Уполномоченные прикрикивали на нее, чтобы скорей собирались, так как подводы уже стояли под окном. Проститься с соседями не дали, повезли в дальнюю дорогу.

Старшему сыну Георгию к моменту высылки было 26 лет. Он был активный комсомолец и жил в это время отдельно от семьи. По причине резко противоположных взглядов на жизнь Георгий часто ссорился с отцом. Он мечтал стать кадровым офицером и поэтому уехал из своей деревни и Белоруссии в Россию. Его мечта сбылась. Всю свою жизнь он посвятил служению Родине, занимая различные командные посты в Молдавии и России. Во время Великой Отечественной войны был начальником штаба 42-й Особой стрелковой бригады. В звании полковника героически погиб, защищая город Сталинград. В Мемориале на Мамаевом кургане, на 4-м знамени справа, высечено его имя.

Семью Сазоновых, в составе родителей и троих детей, погрузили на сани и доставили на комендантский пункт города Рогачева. Здесь велся учет всех прибывающих для выселения. Подали товарный поезд. Переселенцев, как скот, загоняли в вагоны без учета их вместимости. Было сыро, темно и страшно.

В вагонах были сплошные двухъярусные нары, посередине стояла печь «буржуйка». Места всем не хватало, приходилось спать на полу. В углу, за занавеской, стояло ведро «параша», туда и приходилось справлять нужду.

Было очень голодно, продукты быстро кончились. Все, что успели взять с собой, в пути променяли на хлеб. Многие не выдерживали голода и холода.

По мере приближения поезда к Уралу в вагонах становилось все холодней. Люди в пути стали болеть и умирать. Тела умерших выбрасывали прямо в степь. Прапрабабушка не спускала маленькую Танечку.

ку с рук, стараясь согреть ее своим теплом, но ее дочь все равно тяжело заболела.

Выгрузили всех на станции Бисер. Семьи селили к местным жителям, не менее 4-5 человек. Хозяева, приютившие наших родственников, сочувствовали и поддерживали их, как могли. Жалели детей, делились продуктами со своего стола.

*Моя прабабушка Корнева Пелагея Емельяновна
и её брат Сазонов Алексей Емельянович.*

Алексей и Пелагея посещали местную школу, родители трудились на разных работах. Одежды и обуви для уральской зимы не было. Местные жители с удивлением рассматривали ноги ссыльных, обернутые портянками и обутые в лапти.

В 1931 году из поселка Бисер нашу семью перевезли в строящийся поселок Тюшевский. Дальнейший путь состоял из переездов семьи из одного поселения в другое. Мои родственники поработали во многих поселках: Верх-Койве, Именнушенском, Пономаревой Гриве, Комаровом Логу и лесоучастке № 34. Часто меняя их место жительства, начальство не объясняло, для чего это делается. Я думаю, что это де-

лалось с одной целью, чтобы униженные люди не сплотились, не объединились в коллектив.

Все переселения и выпавшие на их долю испытания, и потери семьи переносила молча. Своих переживаний никто не показывал.

Во всех этих и других поселках силами самих же переселенцев строились бараки. Мест всем не хватало. Люди рыли себе землянки. Нашей семье повезло – ей нашлось место в бараке.

Все бараки походили один на другой. Вдоль стен были сооружены сплошные двойные нары. Из конца в конец натягивались веревки для сушки белья, от которого весной и осенью было сыро, а зимой холодно. Барак обогревался одной печкой. Около нее женщины простынями огородили место, где мыли своих детей. Этими же простынями семьи отделялись друг от друга.

Наша семья поселилась в одной из таких комнат. На верхних нарах, где было гораздо теплее, расположились дети, а на нижних – родители. Топорику, который прапрадед привез из Белоруссии, сразу нашлась работа. Надо было сделать для семьи стол, табуретки. Так потихонечку они налаживали свой быт.

На новом месте семья столкнулась с большими трудностями. В родных краях они занимались земледелием и животноводством. Для них это была привычная и любимая работа. На Урале им пришлось заняться совершенно незнакомым делом – работать на лесозаготовках.

Учились валить и раскряжевывать вековые деревья в нетронутой тайге. Нормы выработки были непосильные. Труд был физически тяжелым, изнурительным. Зимой по пояс в снегу. Лес заготавливали круглый год: в дождь, снег и мороз. Часто были случаи, когда люди гибли под стволами деревьев.

Поскольку Пелагее и Алексею, в это время, было больше 14-ти лет, они работали в лесу вместе с родителями: подбирали сучки, верхушки, стаскивали их в кучки и сжигали на кострах.

Ночью часто им снились родные белорусские хаты, покрытые соломенными крышами, веселые праздничные игрища, рождественские колядки с величальными песнями, украшенные праздничными лентами березки на Троицу. Тоска и обида заполняла их душу. Было огромное желание хоть на миг оказаться в родных сердцу местах, дышать вольным воздухом, видеть над собой голубое небо, встречать до боли знакомых и родных людей.

На поселении свирепствовал лютый голод, умирали семьями. В соседнем бараке, вспоминала прапрабабушка, в семье умерли две девочки. И ночью, оставив еще двоих детей, родители ушли в лес. Они надеялись, что этим спасут своих оставшихся живых детей от смерти. Если родители умирали или сбежали, то детей отправляли в детский дом. Мои родные тоже похоронили маленькую Танечку, которая умерла от продолжительной болезни, полученной по дороге в ссылку. (Имеется документ: справка о реабилитации Т.Е. Сазоновой – по-смертно).

Голод давал о себе знать. Когда появлялась возможность, прапрабабушка и ее дети собирали в лесу грибы и ягоды. Из мелко растертого сухого мха и лебеды с небольшим добавлением муки пекли лепешки. Варили похлебку из лягушечьей икры, которую прапрадед Емельян Митрофанович наотрез отказывался есть.

Однажды в соседнем поселке «пала» лошадь. Весть об этом облетела всю округу. Переселенцы на еду унесли все: мясо, кости и даже шкуру. На снегу от лошади остались только подковы.

Желая спасти детей от голода и тяжелой работы, многие женщины сбежали из поселения. В семье моей родни втайне обсуждалась мысль о бегстве детей. Пелагея и Алексей предприняли две попытки к бегству. Первый раз их выловили на станции Бисер. Ко второму побегу готовились более тщательно. Путь снова предстоял на эту же самую станцию Бисер. Мать, собирая в дорогу детям узелки с едой, тихо плакала. Улучшив момент, брат с сестрой убежали из поселка. Добирались ночью, по «кулацкой тропе», на проезжую дорогу не выходили. Днем приходилось прятаться в лесах. Боялись не зверей, а людей. Питались тем, что находили в лесу. Взятые с собой лепешки берегли на более трудное время. Лес укрывал и давал пищу.

На станцию также вышли только ночью. При свете фонаря огляделись, но даже ночью милиция патрулировала территорию вокзала и караулила «врагов народа». Войти в вагон незамеченными не было никакой возможности. Переждав следующий день до вечера, ребята залезли в «собачьи ящики», под днищем вагонов.

До родной деревни Столпни добирались долго. На станциях, смешавшись с толпой, просили милостыню. Иногда детям везло, и они укрывались среди людей в вагонах. Находились и такие люди, которые подкармливали ребят и прятали от конвоиров.

Долго ждала мама весточки от своих детей, выплакала все глаза, не зная ничего об их судьбе. Добрались ли? Сумели ли? Или сгинули в чужих краях? Известий не было. Зато отца ежедневно вызывали в комендатуру: «Отвечай, где дети?».

В родной деревне земляки отнеслись к беглецам с опаской: не впускали в дома. Односельчане боялись за них заступиться, чтобы не навлечь гнев властей на себя и на своих близких. Они знали, что за укрывательство детей последует жестокое наказание. Пелагея и Алексей днем отсиживались в болоте, и только ночью они тайком пробирались на окраину деревни и ночевали у старой бабушки. Но беженцев все же выследили и вновь конвоировали на Урал. Везли, как преступников, под охраной. В Именнушенском поселении наша семья вновь воссоединилась.

С 1935 года началась постепенная реабилитация спецпереселенцев. Моим родным повезло. Их реабилитировали одними из первых. С целью закрепления рабочей силы на Урале, в Теплой Горе в 1936 году началось строительство поселка за рекой Нижний Еловик. На месте застройки стоял сплошной лес, который люди сами вырубали. Бревна рубили в свободное от работы время в спецпоселках. По реке Койва сплавляли бревна до Теплой Горы, где их вылавливали. Леспромхоз силами спецпереселенцев строил дома на два хозяина. Таким

*Дом № 7 по улице Октябрьской
в поселке Теплая Гора.*

образом, были возведены улицы: Октябрьская, Куйбышева, Зеленая, Теплогорская. Все дома, как сестры, походили друг на друга. Стоимость домов вычитали в рассрочку из заработной платы, и дома становились собственностью людей.

На улице Октябрьской сохранился единственный оставшийся такой дом, на который имеется редкий документ из семейного архи-

ва моей бабушки: договор купли-продажи половины этого дома в 1939 году семьей Врадий. Рядом с домами разрабатывали землю под огороды, строили надворные постройки, заводили скот. Жизнь налаживалась.

В одной половинке домика поселилась семья Сазоновых, а в другой – высланная из Украины семья Врадий. В последствии Врадий Борис стал мужем Пелагеи и отцом моей бабушки Тамары Борисовны. Судьба семьи Врадий была не менее трагична.

Каждая семья свою половинку дома обустроивала по-своему. Промазанную глиной, чисто выбеленную нашу половинку дома украшала икона, которая находилась, как водится, в переднем углу. Эту икону бережно завернула в расшитое полотенце прапрабабушка при выселении и сохраняла в самые трудные и голодные годы. Вера в Бога укрепляла выселенцев во время всех невзгод, которые выпали на их долю.

В доме на стене висели полки для посуды и разной утвари. У стены поставили сундук, в котором лежали одежда и белье. Моя прапрабабушка Марфа Евтеховна до конца своей жизни одевалась на белорусский манер. Вышитая сорочка, нижняя полотняная и верхняя полосатая шерстяная юбка до пола, передник (праздничный с кружевами), стеганая безрукавка. Не изменила она и своим любимым белорусским блюдам. В доме готовили похлебку, драники, оладьи, блины, студень и к празднику делали домашние колбасы.

Теперь люди работали в созданных леспромхозах. Они всю жизнь мечтали вернуться в родную Белоруссию с ее церквями и храмами, с праздничным колокольным звоном, трогающим душу до самой ее глубины. Но возвращаться было не к чему. Подворье разрушено, в отчем доме разместился сельсовет. Соседи жили бедно и голодно. Об этом сообщила съездившая в родные края Пелагея. С этого времени она взяла на себя полную ответственность за судьбу своих родителей и троих дочерей.

В 1937 году страну захлестнула новая волна репрессий. Ранее репрессированные и сосланные люди вызывали большое подозрение. Теперь всем предъявлялись обвинения в шпионаже и диверсиях. Казалось, что враги находились везде. Люди боялись каждого стука в дверь. 24 декабря 1937 года моего прапрадеда арестовали. Ложные обвинения в его адрес не подтвердились. Освободили ровно через

год. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Имеется документ: справка о реабилитации Сазоновой М.Е. 1933г.

Мой прадед Алексей после ареста своего отца и лучшего друга Антона, принял решение: этой же ночью уехать в Белоруссию. Он знал, что его тоже ждет эта же участь. Как и все дети переселенцев, он не получил образования, но, будучи самоучкой, легко разбирался в сложной технике. Он своими руками собирал телефонные аппараты, при помощи которых переговаривался с другом, живущим в соседнем доме. Эти умения помогли ему найти в Белоруссии интересную работу. В 1941 году Алексей ушел защищать Родину от фашистов. Красноармеец Сазонов Алексей Емельянович, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб в бою за Родину 7-го августа 1944 года. Похоронен на площади белорусского города Слонима.

Тюрьма, тяжелые условия работы в лесу подорвали здоровье моего прапрадеда, и в 1942 году он умер.

*Корнева Пелагея, Врядий Софья,
Тур Анна, Троян Мария и
Сопов Евгений*

Судьба переселенцев сложилась так, что холодный Уральский край навсегда оказался их родиной. Здесь они стали уважаемыми людьми, их труд оценили по заслугам. Не спасовали ни перед какими трудностями, выстояли, выжили. Мало и скупово говорят о пережитом, прошлое вспоминают со слезами на глазах, но злани на кого не держат. До конца жизни эти люди сохранили человеческое достоинство, чувство локтя, поддержку друг друга и крепкую дружбу.

В поселке Теплая Гора в праздники и часы отдыха звучали лирические белорусские песни. Пелагея и ее подруги пели их на три голоса. В этих песнях отражалась тоска к навсегда потерянному родному дому и любовь к нему.

В поселке Теплая Гора в праздники и часы отдыха звучали лирические белорусские песни.

Пелагея всю войну проработала на загрузке домны шихтой в Теплогорском заводе. Была награждена правительственными наградами: медалью «За Доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и юбилейной медалью к 50-ти летию Победы в Великой Отечественной войне. Она воспитала трех достойных дочерей. У нее восемь внуков, четырнадцать правнуков. Среди них учителя, бухгалтеры, экономисты,

коммерсанты, банковские работники, военные, пожарные и рабочие, студенты высших учебных заведений и колледжей, учащиеся средних школ.

Эта история не только моей семьи, но и многих тысяч семей, переживших страх и насилие в период коллективизации и раскулачивания.

Глава 3. На грани жизни и смерти

«По масштабам кулацкой ссылки и использованию труда ее контингента Урал в 1931-1932 годах вышел на 1 место среди регионов размещения спецпереселенцев. В их числе были 14 районов Прикамья. Наибольшее количество ссыльных приняли Коми-Пермяцкий округ, Березниковский, Ныробский, Чердынский, Чусовской, Добрянский районы». На Урал в целом только за 1930-1931 годы переселили из других областей Советского Союза 123 тысячи 500 семей (571 тысяча 300 человек).

«Можно сказать, что раскулаченные внесли существенный вклад в хозяйственное освоение северных районов Прикамья».

Силами спецпереселенцев в Чусовском районе построено более 20 новых поселков: Тюшевский, Именнушенский, Верхняя Койва, Советский Север, Щегровитый, Колдоватый и другие. Все эти поселки исчезли с лица земли и не сохранились до наших дней. Их названия остались в памяти спецпереселенцев и в отдельных документах. На месте этих поселений чистые поляны.

В Книге памяти жертв политических репрессий «Годы террора» я нашла подлинные доказательства того, что все сосланные люди на местах переселения пережили равные трудности. Жилищные и бытовые условия во всех поселках были одинаковыми. В бараках, построенных силами спецпереселенцев, полная антисанитария, отсутствие отдельных комнат, большая скученность людей, масса вшей и клопов. Недостаток бань, отсутствие вошебоек вызывали в поселениях эпидемии тифа, скарлатины, кори и другие заболевания. В результате этого на поселениях была огромная смертность.

Также причиной смерти спецпереселенцев был невыносимый голод. О скудном питании людей говорят продуктовые нормативы, которые они получали.

Таблица. Снабжение спецпереселенцев Урала (октябрь 1930 г.)

Продовольствие	Требовалось по нормам	Фактически отгружено	% потребности
Мука, т	24500	14733	60,1
Крупа, т	1620	853	52,7
Овёс, т	3520	1740	49,4
Рыба, т	4280	2640	61,7
Масло раст., т	232	164	71,0
Сахар, т	557	598	107,4
Мыло, т	163	45	28,0
Табак, т	267	27	10,0
Х/б ткани, руб.	1239000	45000	7,7
Шерст. ткани, руб.	272000	150000	55,1
Обувь, руб.	280000	59000	21,1
Готовое платье, руб.	700000	150000	21,4
Кожтовары, руб.	430000	12000	2,8

Обращение с высланными людьми было ужасно. Коменданты поселений бесчинствовали, они могли поднять нормы выработки, сни-

зять расценки или просто отказать в пайке. Нередки были случаи избиения зависимых от них людей.

Особенно тяжело приходилось детям. Смертельно голодающих сирот передавали в детские дома. Численность приютов и детских домов неуклонно росла «В Уральской области их было ровно 100: обычных – 83 и 17 для умственно неполноценных детей». Однако и там дети испытывали нужду: в детских домах было постоянно холодно, не хватало продуктов питания, одежды, постельных принадлежностей и нательного белья.

Клеймо раскулаченных родителей ломало детские судьбы: их дразнили, не принимали в пионеры и комсомол. Из-за «темной» строчки в автобиографии для них были закрыты двери в ВУЗах, их не принимали на хорошую работу.

Память этих людей хранит скрываемые до сих пор факты истории. Их живые рассказы бесценны для потомков.

Эти подробные сведения, почерпнутые из книг, воспоминаний, документов оставили в моей душе неизгладимые впечатления. Я часто думаю об этом и понимаю, что это не должно повториться. И нельзя допустить, чтобы события прошлого из истории моей страны, моей семьи, других семей были преданы забвению.

В книге академика Д.С. Лихачева «Письма о добром» я прочитала слова, которые удивительным образом подтвердили мои мысли «Память – основа совести и нравственности... Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками. Память – наше богатство».

Заключение

Судьба моей семьи неотделима от судеб тысяч других переселенцев, от судьбы и истории нашей страны. Эти судьбы переплелись в простое «полотно» под названием жизнь. Я - тонкая ниточка, которая связана с прошлым, настоящим и будущим моей страны. Без прошлого – нет будущего.

«... Ненавязчиво и настойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое». Он учится уважению к предкам и помнит о том, что в свою очередь нужно будет для его потомков. Прошлое и будущее становятся своими для человека. Он начинает учиться ответственности –

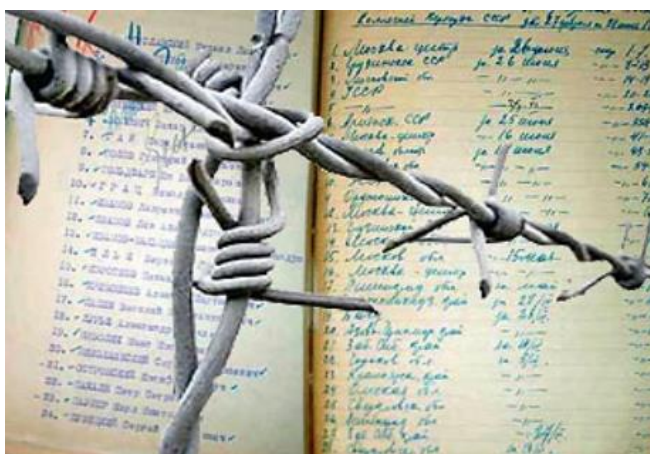
нравственной ответственности перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего...».

Современное общество только начинает отдавать дань памяти и возвращать из забвения честные имена людей, пострадавших от репрессий. Ежегодно 30 октября отмечается День памяти жертв политических репрессий в России. Создаются музеи, выпускаются «Книги памяти». Люди перестали стесняться говорить о своих репрессированных предках. Важно, чтобы каждый человек знал, помнил и уважал свои корни.

Надеюсь, что эта работа вызовет интерес у моих сверстников. Они заглянут в прошлое своей семьи, и с большим уважением будут относиться к старшему поколению. Возможно, кому-то из них удастся добиться реабилитации и вернуть честное имя родных и близких людей, как это сделала наша семья.

Материалы данной работы переданы в Горнозаводский районный музей, музей литейно-механического завода поселка Теплая Гора, Центральную библиотеку города Горнозаводска, которая использовала мои материалы при проведении районных краеведческих «Киреевских чтений». С этой работой я выступала перед своими одноклассниками.

В перспективе хочу продолжить разработку данной темы и связаться с волонтерами, которые работают по поиску материалов, свидетелей, участников, находившихся в лагере политзаключенных «Пермь 36».

*Книга памяти жертв
политических репрессий*

Теплогорские поселения

«Осадники» - так называли переселенцев в 30-х годах, которые прошли через Теплую Гору как через перевалочную базу. Это были семьи, непонятно за что осужденные и высланные из своих родных мест на Урал и в Сибирь. Считались они «врагами народа», но никто не мог им предъявить обвинений, так как большинство из них были выходцами из простого народа.

Были ещё «осадники» из раскулаченных, то есть семей «кулаков», которые зачастую имели в семье пропитания не больше чем на два-три дня, и одежду и обувь, если семья многодетная, одну пару на двоих (из бесед с раскулаченными).

И на местах ссылки им не давали покоя, часто арестовывали и

*Поселок Теплая Гора.
В этом здании в 30-е годы
XX века была комендатура.*

предъявляли обвинения, особенно с 1937 по 1940 годы, за связь с Троцким. Можно ли было придумать что-то более нелепое: в тайге, глухомани, без газет, радио и электричества – связь с Троцким! Многие из «троцкистов» не смогли вернуться к своим семьям. Куда же их расселяли?

В 1917 году, по архивным записям штейгера Д.Д. Свистунова, рудники Теплогорского за-

вода были остановлены, а затем и заброшены. Но заводу нужен был лес и дрова для углепережога.

И вот, уже в годы Советской власти, рудники, где был хороший лес, особенно вблизи реки Койва и её крупных притоков, вновь заработали. Но велась только заготовка леса, по большой воде проводился его сплав в Теплую Гору. Рабочие завозились на 10-15 дней, затем

смена. Бытовые условия улучшались, правда, те же бараки, но были бани, столовые, сушилки для одежды.

Вот на эти рудники и направлялись на поселение «осадники» в 30-е годы, без права выезда, под присмотр надзирателей.

Они дали вторую жизнь рудникам: Именнушенскому, Ивановскому, Тюшевскому, Именновскому, Урефскому, Северному.

Причем сдача «живого товара» производилась по актам.

Для примера - акт из архивных источников от 29.02 1940 года.

АКТ

1940 года февраля 29 дня, поселок Теплая Гора

Мы, нижеподписавшиеся, помощник начальника эшелона № 4079 младший комвзвода Говядов В.Т. с одной стороны, председатель комиссии по приемке переселенцев - осадников на ст. Теплая Гора Пермской железной дороги оперуполномоченный ИТК УНКВД по Пермской области Абрамов П. С, действующий на основании доверенности ИТК № 123940 от 1.02.1940 года, в присутствии члена комиссии представителя треста «Чусовлесдревмет» Курочкина Н.Д. составили настоящий акт в том, что сего числа первый сдал, а вторые приняли переселенцев - осадников, прибывших в эшелоне № 4079 Западных областей УССР. Принято всего пятьдесят пять (55) семей общим количеством двести сорок восемь (248) человек и акт на одного человека, умершего в дороге на ст. Зуевка Пермской железной дороги Гиляровского Яна Павловича 1856 года рождения.

Акт приложен к личному делу.

Личных дел (анкет) принято 54 шт. на 54 семьи, кроме того, принят один человек Зальц Владимир Михайлович 1911 года рождения без личного дела по акту.

Персональный список принятых переселенцев-осадников прилагается к настоящему акту.

*Сдал: мл. комвзвода
Принял: пред. комиссии
 член комиссии*

*Говядов
Абрамов
Курочкин*

*Подписи Говядова и Абрамова заверяю:
Директор Теплогорского ЛПХ Дюксаев*

(акт из документа, находящегося в Горнозаводском краеведческом музее).

В начале 30-х годов в Теплой Горе был образован леспромхоз на базе лесного отдела завода. В распоряжение леспромхоза и направлялись переселенцы.

Данный документ наглядно подтверждает, какие тяготы и лишения прошли семьи «осадников», ведь им надо было обжиться в тайге, растить детей, думать об их будущем. Сейчас их называют семьями репрессированных, все несуществующие обвинения с них давно сняты, а вот память осталась, и будет жить в поколениях.

Через Теплую Гору прошло 694 человека, из которых две трети дети и женщины. В основном на территории нынешнего Горнозаводского района было расселено и трудоустроено около трех тысяч семей - это почти 10 тысяч человек.

Много таких семей обжилось после войны в Теплой Горе, Промыслах, Медведке. Общаясь с ними, можно сделать вывод, сколько же они пережили!

Вот, что рассказывает Лидия Ивановна Крапивина (Чесакова в девичестве), проживающая ныне в городе Карпинске:

«Поселились мы с семьей в поселке Именнушенском полным интернационалом: украинцы, белорусы, татары, русские. Называли нас «спецсила». Кругом глухая тайга и звери. Работали все: мужчины, женщины и дети, больные и престарелые. Лес валили вручную, выполняли норму, хотя никто не знал, кроме начальника Б.М. Самойловского, какая она. Лес поставляли для печей, где выжигался древесный уголь для теплогорской домны. Руководил десятник Борис Дмитриевич Денисов по прозвищу «Бородавка». Часто поднимали ночью выгружать «подошедший» уголь из печей. Печи были рядом с поселком. 1937 год был «черным» для нашего поселения. Арестовали папу, Руденко, Романенко, Смирнова, Алтынцева и еще ряд крепких мужиков за «подпольную связь» с Троцким, хотя в нашей глухомани многие «троцкисты» не умели читать. Нарекли их всех «врагами народа». Нам, детям осадников, надо было учиться, и мы до седьмого класса ходили в школу пешком за 15 километров, а старшие еще дальше. Через тайгу, в лаптях, с котомочками за плечами шли на занятия. И выучились, пройдя обиды и унижения. Кроме учебы на нас, детях, лежали обязанности по дому, а летом выполнение налога по сбору грибов и ягод в свежем и сухом виде.

Вновь с поселением Именнушенским я встретилась через 50 лет. Конечно, нет уже рудника, нет построек, но в памяти вновь оживают те годы. Так же выглядят и другие поселения: Пономарева Грива, Уреф, Тюшевск. Эти поселения есть на карте Т.И. Гимадудинова. Живы, правда, не все, из тех, кто прошел таежный ГУЛАГ. В поселках Промысла и Теплая Гора живут Соловьевы, Можовы, Алтынцевы, Сальниковы, Бойко, Портновы, Куриловы...!»

От автора: «Одно из интервью Л. Крапивиной было напечатано в газете «Уральский рабочий» от 4 июня 1989 года».

Все, что рассказала Лидия Ивановна, нашло свое подтверждение в рассказе Г.В. Вакуновой-Бойко. Галина Владимировна свое детство провела в Именнушенском, затем работала в Промысловской и Теплогорской школах, имеет стаж педагогической работы более 50-ти лет, в настоящее время находится на заслуженном отдыхе.

Очень трогательная встреча «осадников» произошла 30 октября 2001 года в клубе «Металлург». По стечению обстоятельств, а может случайно, почти все оказались из бывшего поселения Именушенское. На 1 января 2002 года в Теплой Горе проживало 54 человека - все же время свое берет. Встретившись вместе, они вспоминали: высадили на станции, пересчитали, сдали представителю леспромпхоза и на подводах, с небольшим имуществом, что разрешалось взять, повезли нас в тайгу для работ по заготовке леса и выжиганию древесного угля. Там стояли бараки, туда и расселили всех. Потом были землянки и разрешили, в свободное от работы время, строить свои дома. Плату за лес, по частям высчитывали из того, что заработали.

Постепенно обжились, разработали огороды, появилась кое-какая живность, благо покосы для заготовки сена были рядом. В речке ловили рыбу, кто добился разрешения на охотничье оружие, занимались охотой, зверья было много, но все только в свободное время.

В поселке Северный даже школу и пекарню построили. Хоть и далеко было до Теплой Горы и Промыслов, но все же иногда ходили туда за покупками, обзаводились знакомыми, иногда ночевали у них.

Проскользнула на встрече и давняя обида на власть. За что? Они до сих пор, кто жив, не могут понять, почему их выгнали из родного дома, лишили крова, хлеба, хозяйства, заставили с нуля обживать чужие холодные края.

Это печальная, позорная страница в биографии нашей страны. Но как бы кому-то не хотелось, из истории ее не вычеркнешь, не забуду-

дешь. О том, что случилось в те далекие годы, должно знать сегодняшнее поколение, которое о сталинском терроре уже и в книжках не читали. Ведь есть у нас правнуки тех, кто прошел через это время.

Историю нужно сохранить для потомков, для того, чтобы не повторился тот кошмар тридцатых годов! Сейчас в поселке Теплая Гора проживает 4500 человек и 54 из них, как память о прошлом.

Что же представляли из себя места, которые обживали «осадники»?

Согласно архивных записей штейгера Д.Д. Свистунова Теплогорский завод имел на своем балансе 14 рудников, которые полностью обеспечивали доменный процесс. Самый дальний отстоял от завода в 22-х верстах, ближний в 4-х верстах.

Но обо всех по порядку:

1. Нижне-Поперешенский рудник - от Теплогорского завода в 4 верстах по урочищу речки Поперешной. Открыт в 1909 году, руда - бурый железняк. Шахта № 1 глубиной 17,5 сажень пласт 95,50 сажень, глубже разведки не было. Приток воды небольшой. Добыча запасом до 270000 пудов. Работы остановлены в 1917 году.

2. Верхне-Поперешенский рудник - от завода в 5 верстах, открыт в 1907 году. Шахта № 1 глубиной 18 сажень, рудное поле до 150 сажень. Добыто 200 000 пудов. Разделена на газенки 1, 2, 3 № 2 - 100000 пудов, № 3 - 20000 пудов. Бурый железняк. Грунт сухой. В 1915 году шахта начала рушиться, и была остановлена.

3. Гаревовознесенский рудник - от Теплогорского завода в 8 верстах, открыт в 1876 году. Месторождение гнездовое, крупными выделами до глубины 80 сажень. Шахты глубиной до 70 сажень. Добыто 200 000 пудов железа. Шахта остановлена в 1923 году ввиду того, что очень дорого обходилась руда, много шло накладных расходов.

Здесь же еще одна шахта «Рязанская» № 22. Руда - бурый железняк. Шахта остановлена в 1917 году.

4. Новый рудник - от завода в 6 верстах, открыт в 1900 году. Работы велись старательским способом до глубины 9 сажень. Руда - бурый железняк, простираение пласта до 160 сажень. Добыто около 3 000 000 пудов руды. Рудник остановлен в 1917 году.

5. Рябовский рудник - в 9 верстах от Теплой Горы, в селе Северное. Открыт он в 1907 году. Способ добычи старательский. Пласт

сплошной с простиранием до 10 сажень и в крест до 20 сажень. Рудник остановлен в 1911 году из-за нехватки рабочей силы.

6. Рудник Комарова Лога - от Теплогорского завода в 29 верстах, на реке Койва. Разработку рудника начинали еще крепостные люди. Работы велись открытым способом и пещерами, также привлекались старатели. Пласт до 50 сажень. Рудник остановлен в 1917 году.

7. Тюшевский рудник - от завода в 18 верстах по реке Койва. Работал во времена крепостного права. Работы велись старательским способом до глубины 5 сажень, через просев и промывку. Пласт и работы до 5 верст. Месторождение гнездовое. Рудник богатый и сухой. Работы остановлены в 1917 году.

8. Лягушинский рудник - от Теплой Горы в 12 верстах. Когда открыт неизвестно. Шахта № 1 глубиной 12 сажень, выработан старателями, сплошная руда. Добыча остановлена в 1912 году.

9. Усть-Тискосский рудник - от Теплогорского завода в 10 верстах. Открыт и разрабатывался старателями. Руда с самого верха до глубины 4 сажень. Простирание до 100 сажень. Остановлен рудник в 1912 году. Месторождение заслуживает капитальной разведки.

10. Добыча доломита - Одольское. Одольское месторождение расположено от Теплой Горы на расстоянии 7 верст. Месторождение богатое, залегает с самого верха и не имеет границ. Добывается до 200 000 пудов. Запасы неисчислимы. Открыто в 1909 году. Работы проводятся каждый год (в то время - от автора).

11. Ивановское месторождение - от Теплой Горы в 14 верстах. Добыча кварца. Добывается открытым хозяйственным способом. Кварц употребляется для забивки горна в Теплогорском заводе. Добыча прекращена в 1917 году ввиду неpotребности. Кварц - стеклянного строения.

12. Белая глина - Загаревский рудник. Белая глина залегает на глубине 2-х аршин. Глина с примесью мелкого кварцевого песка, который по своему строению будет пригоден для фарфора. Месторождение требует капитальной разведки. Разведывалось в 1916 году.

13. Формовочный песок - рудник отстоит от Теплогорского завода в 4-х верстах. Массивное месторождение песка. Песок открыт одновременно с открытием и постройкой Теплой Горы и ежегодно добывается до 60 000 пудов в год (в прежние времена - прим. автора).

14. Вижайский кварцит - это горновой камень. Колоссальное месторождение на расстоянии от Теплогорского завода 7 верст к

реке Вижай. Месторождение кварцитов, разрушенное в крупные куски из щитовых брусьев. Этот материал шел на постройку доменного горна на Бисерском и Теплогорском заводах, как устойчивых при огнеупоре. Открыто месторождение с постройкой Бисерского завода в XVIII веке. Остановлено в 1919 году потому, что заводы перешли на огнеупорный кирпич для сооружения доменных печей.

Естественно, что на рудниках строились бараки для работающих. Вот этим местам, в своем большинстве, и дали вторую жизнь «осадники», особенно где был добротный лес и близко река.

Все, что записано Д.Д. Свистуновым подтверждает еще один старый штейгер В.В. Кутюхин. Планов по рудникам никаких не сохранилось. Когда «белые» сожгли лабораторию Теплогорского завода, хранящиеся там планы и бумаги сгорели, и никаких данных по рудникам не осталось.

Это же и подтвердил окружной маркшейдер В.А. Родионов, делавший запросы по документам рудников Теплогорской и Бисерской группы в окружной архив и Лысьвенский завод.

Необходимо отметить звучание слова «старатели». Наверное, хозяева Шарповские-Родали Бисерского завода и Шуваловы Теплогорского завода, использовали старателей и на добыче золота. Места-то ведь золотоносные, а рабочие-старатели их крепостные. Да и земли принадлежали хозяевам, а не государству. Но, к сожалению, в архивах сведений об этом нет.

Но главная задача задавалась одна: добывать руду и валить лес. Сваленный и очищенный от сучьев лес таборили лошадьми к реке и по большой воде сплавляли в Теплую Гору к печам выжигания древесного угля.

Койва у нынешнего стадиона, где стояли печи, была перегорожена мощным тросом в 100 мм и деревянным улавливателем.

Автор этих строк лично в 1955 году участвовал в разборе улавливателя и снятия троса. В это время заводчане строили на месте угления стадион. Трос с одной стороны крепился в скальный грунт, а на правом берегу держался мощным якорем.

Был еще один участок - 34 квартал, где тоже заготавливали лес. Это в 10 км от завода. Лес вывозился лошадьми, но не бревнами, а копированными дровами. Постепенно там вырос поселок. Жизнь ему

Таким образом, история поселка Теплая Гора неразрывными узлами связывает нас со спецпереселенцами и «осадниками».

Вопрос: Каким образом можно было бы избежать этой ситуации?

Ответ: Можно было бы избежать этой ситуации, если бы мы не были так торопливы и не пытались решить все проблемы сразу. Нужно было бы сначала разобраться в причинах проблемы, а затем уже искать пути ее решения.

Вопрос: Каким образом можно было бы избежать этой ситуации?

Ответ: Можно было бы избежать этой ситуации, если бы мы не были так торопливы и не пытались решить все проблемы сразу. Нужно было бы сначала разобраться в причинах проблемы, а затем уже искать пути ее решения.

(Копии протоколов допроса репрессированных)

По местам спецпоселений района

В газете «Новости» была затронута очень важная тема о спецпоселениях и кордонах на территории нашего района. Похвальна инициатива Александра Сергеевича Врядий. Он называет 21 спецпоселение в нашем районе, а я ещё 34 поселения нашел. Получается, что в нашем районе было более 50 поселений, кордонов и куреней для спецпереселенцев.

Много лет я занимаюсь охотой и туризмом. Наш район я прошел вдоль и поперек. Зброшенные, полуразрушенные спецпоселения вызвали много вопросов. Но ответов не было и не у кого было их получить. В конце августа 1949 года, будучи девятиклассником, я с друзьями со станции Бисер ходил на Вижайское болото за кедровыми шишками. Ночевать завернули на Вижайский курень. Находился он в 6-8 километрах северо-западнее станции Бисер. Там были огромные пустые бараки и дома. Лишь в одном из них жила лесничиха Борисова. Под бараками и домами развелось много кроликов и зайцев, вот и решала проблему диетического мяса лесничиха прямо у крыльца своего дома. Ночью нас разбудили странные звуки. Оказалось, что на курень забрел медведь, Борисиха отогнала его ударами клюки по засьлонке. Это было моё первое знакомство со спецпоселениями и кулацкой тропой. Знаменитая кулацкая тропа начиналась от станции Бисер, шла шесть кварталов на север до квартала № 10, затем, огибая квартал № 17, поворачивала строго на запад и вела до самого спецпоселения Щегровитый. От Щегровитого она шла на спецпоселение Боровуха и через Зыковский выходила па посёлок Пашия. Это подтверждается картами 50-60-х годов.

В 1951 году я два месяца работал в 31-ой топографической партии экспедиции «Уралалмаза». За июль-август мы побывали в спецпоселениях Медведка, Тюшевской, Северный.

В годы репрессий в эти и другие поселки ссылали спецпереселенцев. Так в Тюшевском был небольшой филиал Медведкенской алмазодобывающей фабрики. В самом поселке Медведка была алмазодобывающая фабрика и женский лагерь заключенных.

Много впечатлений осталось от посещения тех мест. В спецпоселении Северное, что примерно в 2 километрах от станции Европейская все, что нам попадалось на глаза было рыжего цвета: собаки – рыжие, кошки – рыжие, коровы – рыжие и люди, в основном, рыжие. В жаркий, солнечный день это выглядело впечатляюще.

С 1951 по 1980 годы я побывал почти во всех спецпоселениях нашего района. Курень 9-я верста находился между поселком Бисер и станцией Теплая Гора. Были мы там, в 1951 году. Все заросло кустарником, от домов одни развалины.

1963 год - Курень Рассоха первая - квартал № 23, курень Рассоха вторая - квартал № 14. На первой Рассохе сохранились только части домов, а на второй была чистая поляна.

1965 год - спецпоселение Песчанка - квартал № 43. Уже в те годы он был разрушен до основания. В тот же 1965 год посетили мы Южный Басег. В полуразрушенном поселке остались остовы двух огромных конюшен для лошадей. Жителей мы в нем не встречали.

На Южном Басеге встретились школьники Саранов, Пашии, и Горнозаводска (июнь 1966 г.)

1966 год - Северный Басег. Мы увидели пустые бараки с железными койками. Нам объяснили, что здесь был женский лагерь «Кизеллага», а ранее - спецпоселение.

1966 - 67 годы. На левом берегу реки Вильва, против устья речки было спецпоселение Коростелевка. В те годы был в поселке магазин с

продуктами и товарами, дома, а в 1976 году от поселка остался один домик Николая Неустроева.

1969 год - Средняя Усьва. Большой поселок, щитовые бараки алмазников, из жителей, только семья лесника Кусова.

В 1969 году я повел ребят в девятидневный поход по родному краю. В устье реки Большой Язь, которая впадает в реку Усьва, было ещё одно спецпоселение. Нижняя Усьва в то время, стояла ещё с сохранившимися домами и постройками: магазин, клуб. Было ощущение, что люди вымерли, а дома остались.

Июнь 1970 года, я вёл группу туристов работников ППЖТ на станцию Паленый Лог, на братскую могилу погибших во время Гражданской войны красноармейцев с бронепоезда №2. Пешком мы прошли от Кусьи через Осиновку, Бедьку, Чизму на станцию Кумыш. Затем по железной дороге добирались до Лысьвы. За 5 дней были в поселке Осиновка, на кордоне Бедька, в поселке Чизма. Чизма - красивое, живописное место на берегу реки Чусовой. В этот старый поселок ссылали репрессированных. Здесь работала бригада сплавщиков. В Пермской области продолжали сплавлять лес по реке Чусовой, хотя в Свердловской области сплав был давно запрещен. Ночевали мы в полуразвалившейся начальной школе. В это время на Чизме жили восемь человек. У лесника Алексея Пирожкова был даже телевизор на батарейках. Поселка сейчас уже нет. В последний раз я видел сгоревшее дотла поселение.

Поход на Южный Басег. 1975 год. (Фотография Б. Булычева)

1975 год. На берегу реки Вильвы есть бывшее спецпоселение Колдоватый. В 1975 году здесь ещё были сарайчики, полуразвалив-

шиеся дома. Меня до глубины души тронули сломанная детская кроватка и небольшие детские резиновые колоши. Многие спецпереселенцы приезжали с маленькими детьми. Рядом с поселком два кладбища: одно из них католическое, другое православное.

1976 год. Спецпоселение Щегровитый. Много раз бывал в этих местах. Всегда удивляло, что жители хранят память о своих предках. На кладбище свежие цветы и венки, надписи на могилах обновлены.

На реке Койва, в устье реки Большой Тырым были поселки лесозаготовителей: Усть-Тырым, Первый Тырым, Второй Тырым, Третий Тырым. От них остались только поляны по берегам рек. Спецпоселение Дальний Тырым построили на берегу реки Черный Тырым. В нем была начальная школа, дома, бараки. В 1979 году от них остались одни основания. В 90-е годы на берегу реки Черный Тырым находилась охотничья база Горнозаводского ППЖТ. Места красивые, но глухие, ссылали сюда с семьями людей из разных мест.

По рассказам старожилов в спецпоселении Долговка, что на левом берегу реки Чусовой в тридцатые-сороковые годы был колхоз. А в 1980-е годы рабочие ППЖТ заготавливали в этих местах сено по продовольственной программе.

Много я путешествовал с друзьями по нашему району, много слушал воспоминаний людей о тех тяжелых временах. Рассказывала мне моя теща Корнева Полина Емельяновна, о том, как выслали их из родных мест, в чем были. Так, якобы кулацкая дочь, ходила в одном платье днем и ночью. Вот таких «врагов народа» высылали в наши края. Печально, что мало осталось свидетелей тех событий. Не заботится о них и их детях наша власть. Создается впечатление, что это интересно тем, кто живет за границей, а наши люди ничего не хотят помнить и знать.

В 30-е годы XX века территория Горнозаводского района была сплошь покрыта спецпоселениями, кордонами, куренями для раскулаченных, врагов народа и других неугодных советской власти. Об одном из спецпоселений нашего района это стихотворение.

На Дальнем Тырыме

На Дальнем Тырыме вдоль речки туман.
И солнце встает над поляной.
И ветер несет разнотравья дурман
С холмов, позаросших бурьяном.

На ровной поляне – десяток холмов.
Заросших кипреем, крапивой,
На месте бараков тридцатых годов:
Здесь люди трудились и жили.
А люди – трудяги нелегкой судьбы,
Изгнанники с Родины властью,
Должны выживать были в этой глуши,
Забыв, что такое есть счастье.
Изгнали с родных и насиженных мест,
И даже детей не щадили...,
Подводы, вагоны, этапы и ...лес.
В бараки насильно вселили.
Готовили лес, чтобы сплавить весной.
Пила да топор, и лошадка,
Вот все, что имел этот люд трудовой
В своей этой жизни несладкой.
И трудно представить, сколь горя и слез
Вот эти места повидали...
Косматые ели и рощи берез
Немые свидетели стали.
И каждого мучил вопрос: «А за что,
Такие им муки достались?!»
За то, что свой хлеб добывали трудом,
Чужого добра не касались?!
Что может быть горше жестоких страданий
Ни в чем неповинных людей.
Года унижений, года выживаний,
Тревоги за судьбы детей.
А сколько поселков таких, куреней
Исчезло лишь в нашем районе?
Давайте же вспомним и этих людей,
Вспомним о них поименно.
Зайдите сегодня в районный музей,
Поселков таких не найдете.
Но память живая в сердцах у людей,
Я знаю их много в районе.
Над Дальним Тырымом стоит тишина
И Запад пылает закатом.
Лишь в Черном Тырыме стекает вода,
Играя в камнях перекатов.

Июль 2007 года, п. Дальний Тырым

Валентина Павловна Чувызгалова,
заведующая библиотекой, п. Пашия

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

В начале XX века из Эстонии в Россию перебралась семья Антона Давыдовича Лиллак. Предыстория этого переезда была такая. Антон был батраком у богатого эстонского крестьянина, а у него была дочь Кристина. Родилась она некрасивой девушкой, и замуж её никто не брал. Тогда хозяин предложил Антону жениться на Кристине. Так Антон и поступил. За это, на обустройство молодой семьи, отец Кристины дал им денег, лошадь, корову. У Антона особого выбора не было. В Эстонии земли свободной было мало, и Антон решил перебраться в Россию, благо границ между Эстонией и Россией тогда не было. Погрузив в телегу кое-какое имущество, привязав к ней корову, они с женой отправились в путь. Купили участок земли, на котором ничего кроме деревьев не было, привязали к берёзе лошадь, построили небольшое жилище, может даже, сначала это был шалаш, и стали обустраивать свой хутор. Рубили лес, корчевали пни, разрабатывали землю под пашню. У Антона и Кристины родилось пятеро детей, четыре сына и одна дочь.

Дружная и трудолюбивая семья Лиллак. Начало XX века

Работали все и взрослые и дети, трудились с утра до ночи. Постепенно обустроивали свой хутор, который стал называться «Родня». Вскоре Антон Давыдович погиб. При раскорчёвке леса его придавило пнём. Младшему сыну Давыду было тогда только три года. О непростой судьбе семьи Давыда Антоновича Лиллак и пойдёт дальше речь.

Анна Иогановна Лиллак(Рейке)

В 1919 году Давыд женился на Анне Иогановне Рейке (1895 года рождения) тоже эстонке. Она была из русско-эстонской деревни, в которой в одной половине жили русские, а в другой эстонцы. У них родилось 8 детей, но выжили только четверо.

Давыд и Анна жили на хуторе вместе с братьями Давыда своим большим хозяйством. У них было две лошади (рабочая и выездная), держали до 10 коров, много свиней, сеяли рожь, лён, сами пекли хлеб, шили одежду. Обеспечивали свою семью практически всем, кое-что продавали, чтобы купить какие-то необходимые товары и вещи. Батраков

не держали. Нанимали сезонных рабочих на пахоту, на сенокос, на уборку урожая. Так и жили на своём хуторе до 1930 года.

Когда началась коллективизация, вступили в колхоз, но в 1933 году их всё равно раскулачили, забрали практически всё и выслали в другой район.

В декабре 1934 года в Ленинграде был убит С.М.Киров и по Ленинградской области, а их хутор находился именно в этой области, начались репрессии, очень многих выселили. Попала под выселение и семья Лиллак.

Так весной 1935 года Давыд и Анна вместе с детьми оказались на Урале. Старшей дочери Линде было тринадцать лет, сыновьям Александру - десять, Августу - восемь, младшей дочери Махте один год.

Их привезли сначала в посёлок Кусье-Александровский, а дальше их и ещё несколько семей определили на высылку в Шишиху. За лето на пустом месте построили бараки и стали обживать. Давыд и Анна, как и все переселенцы, работали на лесозаготовках.

Наступил 1937 год, по всей стране прошла новая волна репрессий. Не обошла она и семью Лиллак. Декабрьской ночью пришла ещё одна беда, Давыда арестовали и увезли. Больше ни жена, ни дети его уже никогда не видели. Через год осенью 1938 года пришли за Анной. Больше года просидела она в тюрьме в городе Соликамске. Потом Анна вспоминала, что её постоянно заставляли подписывать какие-то бумаги, заставляли признаться, что она будто бы подожгла конный двор в Шишихе. Но она была женщиной твёрдой и всё отрицала, знала, что дети дома одни, и осенью 1939 года её освободили. Пока Анна сидела в тюрьме, Александра и Августа забрали в детский дом, хотели забрать и маленькую Махту, но Линда не отдала, ей уже исполнилось 16 лет, и она начала работать в артели. Когда Анна вернулась из тюрьмы, их с Линдой и Махтой переселили в посёлок Створ, недалеко от посёлка Всесвятский.

Александра с Августом отправили в детский дом в Воронежскую область в небольшой городок Бутурлиновка. Им немного повезло, они попали в образцовый детский дом директором, которого был сын А.И.Микояна.

В детском доме Александр окончил курсы киномехаников. Весной 1941 года он вышел из детского дома и устроился работать киномехаником, чтобы быть рядом с братом. Ему было только 16 лет. В июне началась Великая Отечественная война, когда немецкие войска подошли к Воронежу они с другом, тоже бывшим детдомовцем решили пробираться на Урал. Шли пешком, вплавь, рискуя жизнью, переплыли реку Дон (нашли на берегу большое бревно). Добрались до города Камышин под Сталинградом, но там их забрали на оборонные работы. Александра определили на житьё в колхоз, на быках возил бревна, из которых строили оборонительные сооружения. Еды никакой не было, давали только крупу пшено и всё. Ходить было не в чем, ботинки, которые выдали ещё в детдоме, порвались, но на работу всё равно надо было ходить. Зимой обморозил пальцы ног. Ходить совсем не мог, чуть было, их не обрезали, но хозяйка избы, где он жил, оказалась женщиной доброй, долго лечила его и выходила.

Александр Давыдович Лиллак

В октябре 1942 года Александру исполнилось 18 лет, а в феврале 1943 года его призвали в действующую армию. Попал служить в конную кавалерию. Был наводчиком орудий в артиллерийской противотанковой бригаде. В это время закончилась Сталинградская битва. Немецкие войска отступали, но упорно оборонялись. После прорыва обороны в тыл к немцам первыми посылали кавалеристов. На фронте за боевые действия был награждён орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу». Победу встретил в Австрии под Веной. Сразу не демобилизовали. Ещё два года служил в армии в Ростовской области. На Урал к матери

вернулся в марте 1947 года в посёлок Створ. Как сына репрессированного, не смотря на то, что воевал и имел награды, на работу нигде не брали. С трудом устроился киномехаником в одну из колоний, которых рядом с поселком Всесвятский было в те годы много.

Линда в те годы тоже работала в колонии. Направляли на разные работы то в столовую, то на подстанцию.

Однажды, в 1950 году Александр по делам поехал в город Чусовой в киносеть. Директором киносети работала Шардина Александра Ивановна. Она и сказала ему, что Пашийскому леспромхозу требуется на кинопередвижку киномеханик. Так он стал работать в Пашии. Ездил на лошади по лесным участкам: Зыковский, Подпорожный, Россольный, Косая речка, показывал кино. В телеге или на санях возил с собой бензиновый движок, который вырабатывал электроэнергию. Старожилы ещё помнят, с каким нетерпением ждали киномеханика, а особенно ребяташки, они бежали, чтобы встретить его, а потом также провожали. А когда появилось в некоторых посёлках электричество, то он ездил на велосипеде по поселкам.

В апреле 1951 года в Пашию вместе с Александром переехали мать и сестры. Первые месяцы снимали квартиру в Канабекове, а к осени им дали комнату в бараке на Сысоевском. Жизнь постепенно

налаживалась. На Сысоевском построили свой небольшой дом, но Пашийский карьер стал расширяться, и дом пошёл под снос. Пришлось его разобрать и в 1958 году перевезти на окраину Пашии.

В 1964 году на этой окраине купили дом мои родители. Наша семья переехала из Кировской области. Можно сказать тоже были «вынужденные переселенцы». Тогда шло укрупнение колхозов, и все маленькие деревеньки ликвидировались. Вот и из нашей деревни все жители уехали кто куда. Мои родители только что построили в деревне новый дом. Я сейчас только понимаю, с какой болью им, наверное, пришлось покинуть свои родные места, свой дом. Мне было 6 лет, и я запомнила, как сразу от нескольких домов отъехали машины с немудрёным деревенским скарбом, как завывали в голос бабы и так вереницей в машинах люди навсегда уезжали из своей деревни. А через год от деревни не осталось и следа. Всё распахали под пашню. Только кое-где остались черёмухи да рябины, росшие на окраинах огородов.

Всю жизнь в Пашии рядом с нами по соседству жили люди с непривычными фамилиями: Лиллак, Цымарман, Ткаченко, Гефенейдер. Все мы были добрыми соседями, помогали друг другу, чем могли. Мы дети дружили между собой, ходили в походы, вместе бегали купаться на реку. Только несколько лет назад, когда стали, открыто говорить о репрессиях, я поняла, что все наши соседи были из репрессированных.

Егор Егорович Гефенейдер - из немцев Поволжья, которых в годы войны выслали на Урал. На фронт их не брали, но отправляли в так называемую в трудовую армию. Егор Егорович попал сначала в Омскую область, а потом на Урал, в Пашию. Работал в леспромхозе сначала в лесу, а потом водителем на лесовозе.

Яков Осипович Цымарман в 18 лет, как немец по национальности, в 1943 году был выселен из Ростовской области и был направлен на работу в угольную шахту в город Кизел. В 25 лет вышел на пенсию по инвалидности с профессиональным шахтёрским заболеванием.

Ткаченко Мария была выслана на Урал сразу же после войны якобы за связь с бандеровцами, а было ей в годы войны всего 18 лет.

Анна Иогановна Лиллак в суровые годы репрессий работала везде, где принимали на работу врагов народа, вырастила четверых детей, умерла в 1984 году на восемьдесят девятом году жизни. Все дети выросли хорошими людьми. Александр и Линда всю жизнь прожили

в Пашии, работали в киносети, стали людьми, которых уважали и знали в Пашии все, потому что кино тогда было очень популярным и любимым. Линда Давыдовна тоже долгие годы работала киномехаником в кинотеатрах «Горняк» и «Буревестник», были когда-то такие в Пашии. Умерла она в 2009 году.

Август Лиллак, когда началась война, вместе с детским домом был эвакуирован в Казахстан. С группой ребят они сбежали из детского дома и всю войну бродяжничали. Каким-то образом он узнал, что Александр после войны служит в Ростовской области, с большим трудом добрался до брата. Александру дали отпуск на 10 дней, и он увёз Августа на Урал к матери. В 1950 году Август устроился электриком на завод в городе Лысьва. Со временем стал инженером. Сейчас живёт в Казахстане.

Махта Давыдовна в 1947 году закончила 7 классов и поступила учиться в педагогическое училище в городе Очёр, проучившись четыре года, получила направление в небольшую деревеньку в Пермской области учителем начальных классов. Затем приехала в Пашию и работала в 1955 году учителем в посёлке алмазников Косая речка. Вышла замуж за начальника геологоразведочной партии Нелюбова, и вместе с мужем уехала в Оренбургскую область. Сейчас Махта Давыдовна живёт в Астрахани.

Александр Давыдович долгие годы работал киномехаником, закончил свой трудовой путь директором Горнозаводской киносети. Полученная когда-то в детском доме профессия оказалась делом всей его жизни.

*Линда и Махта Лиллак с матерью
Анной Иогановной. 1952 год.*

Александр Давыдович прожил долгую, трудную жизнь, он ветеран Великой Отечественной войны, уважаемый человек в поселке Пашия, любящий отец, дедушка и прадедушка.

*Александр Давыдович
Лиллак в окружении внуков
и правнуков. 2005 год.*

В 1953 году дети, второй раз репрессированного Давыда Антоновича Лиллак, посылали запрос о своём отце. Им прислали справку о реабилитации, в которой было написано, что Давыд Антонович умер от воспаления лёгких в 1943 году, а где он похоронен, не сообщили.

Вот так сложилась судьба семьи Лиллак, когда-то в годы массовых репрессий переселённых в наш суровый уральский край. И, слава Богу, не так трагически, как судьба тысяч и тысяч таких же, как они спецпереселенцев.

Галина Викторовна Мельникова,
заведующая библиотекой
п. Промысла

Такие были времена...

Воспоминания Марии Васильевны Катковой

Марию Васильевну Каткову, в девичестве Андрееву, в 30-е годы XX века выслали из родных мест на Урал. Она вспоминает о том периоде с болью.

Нашу семью, жившую в то время в Бугульминском районе Татарстана, выгнали из дома, в чем были. Скотину забрали, дом сломали, отца увезли в тюрьму в Казань. С мамой осталось четверо детей. Самой младшей из нас Ксении было около четырех лет, она росла болезненным ребенком. Всех арестованных повезли на станцию, там погрузили в "телячьи вагоны" и привезли на стройку целлюлозно-бумажного комбината в Краснокамск. Поселили нас в бараке. Когда увозили из родного дома, с собой брать ничего не позволили. Мама рассказывала, что даже маленькую кружку, чтобы поить больного ребенка и то отобрали.

*Работа политзаключенных в лагерях
Пермской области. 30-е годы XX века*

До 1939 года, пока не построили комбинат, жили мы в Краснокамске. Отца выпустили из тюрьмы, и он приехал к семье. Я родилась в 1934 году в Краснокамске. А в апреле 1939 года всем рабочим приказали собраться, ничего с собой не брать и переселяться на новые места. Да и брать - то было нечего, получали карточки на продукты и перебивались, кто как мог. Погрузили всех в вагоны и повезли, а куда и зачем не сказали. Выгрузили на станции Теплая Гора. Посадили в грузовики, которые возили уголь в домну на завод и повезли опять неведомо куда. Привезли далеко в лес, высадили на кордоне

садили в грузовики, которые возили уголь в домну на завод и повезли опять неведомо куда. Привезли далеко в лес, высадили на кордоне

около избушки лесника. Вдоль речки Именная стояли небольшие двухквартирные домики. Один такой домик сохранился в Промыслах до наших дней. Бабы заголосили, дети ревут и у всех одна дума - как жить дальше, с чего начинать. Расселили всех по домикам - места мало, посреди дома большая русская печь и больше ничего. Отец начал понемногу благоустраиваться: сделал полати, на которых спали дети и сушили ветхую одежду, сделал столы, лавки и залавки. На другой день всех, кроме детей малолеток, погнали на работу на лесоповал. Норма на одного работающего мужчину или женщину 10 кубов леса. Валили лучковой пилой, нужно было свалить дерево, обрубить сучья, распилить на метровник, а затем расколоть и сложить поленницу. За всем этим присматривал десятник, он был вольнонаемный Денисов Афанасий. Чтобы как – то выжить дети летом собирали грибы, ягоды. В лесу по тропе на Чекмень шла лошадь с коробом, и все складывали в него. Затем все это сушили в печах, в которых выжигали уголь. Когда началась война, всех и парней и девушек, кто старше 18 лет освободили от комендатуры и забрали на фронт.

Старшая сестра Нина тоже ушла на фронт, она была связисткой на Карельском фронте. Всю жизнь после войны она прожила в поселке Промысла, работала в магазине. Умерла Нина Васильевна в 2009 году.

*Нина Васильевна Гоголева
(в девичестве – Андреева)*

Осенью 1941 года я пошла в школу в спецпоселении Именнушенский. Учителем работал Михаил Васильевич Тимофеев, который пришел раненный с фронта, поступил на заочные учительские курсы в Перми и учил нас. Учительница Соловьева Евдокия Васильевна была тоже из репрессированных.

Фельдшером в поселке работала Павловская Вера Яковлевна, в замужестве Тимофеева. Приехала она по распределению из города

Березники, где выучилась на фельдшера. Сирота из далекого Джанкоя нашла в наших краях вторую родину.

В поселке был магазин, и там нас отоваривали по карточкам, а когда его закрыли, мы ходили за хлебом в поселок Ивановский. Чтобы выжить и прокормить семью, люди распахивали землю, садили огороды. Взамен картошки в землю зарывали одни глазки или очистки, так как садить было нечего. Выращивали морковь и другую огородную мелочь, не бог весть какой урожай, но все же подспорье. Еще собирали для себя грибы и ягоды.

Всю войну и до 1947 года мы были поднадзорные. Во время войны помню, привели на один двор корову, а потом еще дали по одной, но с условием сдавать масло топленое и еще платить денежный налог. Люди голодали, болели и умирали. Лекарств никаких не было, лечились народными средствами. В 1947 году отменили карточки, и мы стали свободными. Спецпереселенцы разъехались кто в Теплую Гору, а кто в Промысла. Когда в поселке Именнушенский никого не осталось, мы тоже переехали в Промысла. Жили в лесничестве, отец работал лесником. Плели лапти, корзины-короба для зоны, обували заключенных, да и сами носили. Норма была по 10 пар в день, и мы дети помогали родителям. Не дай бог, чтобы наши дети и внуки прошли через то, что мы испытали.

Софья Георгиевна Машкина,
заведующая библиотекой
п. Кусье-Александровский

Из воспоминаний жителей поселка Кусье-Александровский

Воспоминания Нионилы Исаковны Батуро.

Нионила Исаковна Батуро родилась 7 ноября 1927 года в Белоруссии в деревне Голени, недалеко от города Могилёва. Семья была очень большая, родители воспитывали пятерых детей: Зинаиду, Петра, Александра, Нилу и Ольгу.

Отец Исаак Ефремович занимался сельским хозяйством, зимой прирабатывал извозом, мать Евдокия Сидоровна вела домашнее хозяйство. Семья считалась зажиточной: имели дом пятистенку, во дворе стоял колодец с цементными кольцами, содержали большое хозяйство: двух лошадей, трёх коров, овец, свиней, кур и уток. Дом стоял на пригорке, внизу, в ложбине, стояла небольшая церковь, рядом находился родничок. Место было очень красивое и живописное.

В июне 1931 года родителей вместе с детьми Ольгой и Зинаидой выслали. Остальных детей оставили у родственников – Александра забрал дед по материнской линии, а Павла и Нилу забрала тетка.

Тетка жила в деревне Селищи. Семья владела водяной мельницей расположенной на реке Бася, хозяином которой был дядя Федя. Со всей округи соседи свозили сюда зерно для помола. Нила в то время очень сильно болела - от золотухи (диатеза) опухали и отекали веки, ресницы слипались, глаза очень сильно жгло, и они ничего не видели. Это время Нионила Исаковна вспоминает как страшный сон. Все время приходилось находиться в доме, на печке или на полу, очень редко ребята выводили Нилу во двор, но это тоже не доставляло радости больному ребёнку. Дядя несколько раз возил племянницу в больницу в Могилёв лечить глаза. Доктор запихивал в рот конфетку, чтобы Нила не кричала от боли, и капал в глаза капли и мазал мазью. Но от этого лечения, не было ни какой пользы – глаза всё равно не видели.

Родителей вместе с другими выселенцами увезли на Урал. В Перми всех погрузили на баржу и по реке повезли в Коми – Пермский автономный округ в деревню Коса. До места добирались три ме-

сяца, когда приплыли, кругом лежал снег. Семья Ни́лы жила в землянке недалеко от деревни. Отца отправили на лесоповал, мать занималась детьми и хозяйством. Было очень голодно и холодно, не хватало еды и тёплой одежды. Мать меняла привезённые с собой вещи на муку и картошку для семьи. Спасало то, что из Белоруссии родственники отправляли посылки с крупой, сухарями, салом, мукой. Сестра Зина пошла работать в люди нянькой. Хозяйка рассчитывалась с ней продуктами, чаще всего картошкой. Благодаря этому семье удалось засадить картошкой разработанный участок. По словам матери, соседи жили ещё хуже, чем семья Батуро. Болели от голода, от отчаяния пытались сбежать. Но на дорогах везде стоял патруль, их ловили, многих отправляли в тюрьму, кто-то просто погибал в непроходимых лесах. Первую же зиму погибло более половины привезённых в деревню выселенцев. Здесь семья прожила три года.

Затем семью перевезли в город Краснокамск на строительство целлюлозно-бумажного комбината. Выселенцев называли спецсилой, потому что использовали на самых тяжёлых и непосильных работах. Детей, в том числе и Ниони́лу, из Белоруссии привезли к семье. Расселили привезённых в очень больших бараках, в каждом бараке жило до двадцати семей. Семья Ниони́лы жила в бараке № 31, семь человек ютились в небольшой комнате. Кроватей не хватило, поэтому дети спали почти на голом полу, укрываться тоже было практически нечем. Но, не смотря на все трудности люди, жили дружно, помогали друг другу, не унывали. Когда появлялась свободная минута - все поселенцы собирались вместе. Павел Васильевич Яскевич брал в руки балалайку, а папа пел красивым голосом песни. Очень часто он пел свою любимую песню «Вы не вейтесь, русы кудри...»

Отец работал на строительстве комбината, на сплаве. Работая в холодной воде, он простудился. У него заболел зуб, началось воспаление. В больнице при переливании влили не ту группу крови, через пять дней он умер. Все дети остались на иждивении у матери. Сначала она мыла полы в бараках, от неё всегда пахло хлоркой. Старшая сестра Зоя тоже работала. После смерти отца, объединившись со знакомыми, мама купили на четыре семьи корову. Жить стало немного легче.

В Краснокамске Нила вместе с братьями пошла в школу. Глаза к тому времени все ещё болели. Женщины давали разные советы, как справиться с этой бедой. Что только не делала мама: разные примоч-

ки, привязывали тёртую свёклу и мёд, но ничего не помогало. Однажды маме посоветовали привязывать к больным глазам сыворотку на ночь. И это помогло! Глаза открылись, прошла вся отёчность и боль, зрение восстановилось.

В 1938 году семью Батуро вывезли на поезде в Чусовской район на станцию Пашия, затем в посёлок Кусье-Александровский. «Как сейчас помню – рассказывает Нионила Исаковна – когда нас привезли, мы с сестрой Олей очень испугались. Нас привезли в двухэтажный дом, который показался нам очень тёмным и страшным. И мы очень сильно, во весь голос, ревели. Хозяйка успокаивала нас, но от этого мы начали реветь еще громче. Она затопила русскую печь, поставила варить картошку, усадила нас за стол. Только тогда мы успокоились...» На следующий день всю семью повезли в Федотовку на лесоповал. Разместили нас в доме, построенном на две семьи. Зину сразу отправили на лесозаготовки. Работать было очень тяжело, за день нужно было выполнить норму, для того чтобы получить карточку на 800 граммов хлеба. Зимой приходилось отгрести от деревьев снег, глубина которого иногда доходила до двух метров, спилить бревно, обрубить сучья, сложить их в кучу, распилить на чурки, чурки расколоть. В день нужно было заготовить 4 кубометра дров. Остальные дети сначала помогали по хозяйству матери: косили сено, зимой перевозили его на санках домой, весной разрабатывали огород, садили картофель. Мать держала корову, которую удалось перевести из Краснокамска, позднее в хозяйстве появились овцы, поросята, телёнок, куры.

Когда началась война, Ниониле исполнилось 13 лет. В Федотовке она окончила 4 класса. Дальше учиться, не пошла, а пошла работать. Зимой вязали маты для укрытия огурцов. Весной выращивали рассаду огурцов, капусты. Сажали картофель, окучивали, занимались прополкой овощей, помогали взрослым убирать урожай. Летом гребли сено, на носилках стаскивали его к стогам. Ночевали прямо в лесу, в шалашах, сделанных из сена и еловых веток. Пищу готовили на костре. Вечером собирались все вместе, пели песни, играли в игры, вели разговоры. Помогали по хозяйству матери. В годы войны был введен большой налог: необходимо было сдать 12 килограмм топленого масла от каждой коровы, 40 килограмм чистого мяса, 1200 рублей денег. Налог был очень тяжёлой ношей для каждой семьи.

После окончания войны Нионила продолжила обучение в посёлке Кусья. Детей размещали в интернате, они сами готовили себе еду, по карточкам получали по 200 грамм хлеба. В школе, на большой перемене, детям выдавали по 50 грамм хлеба. Весело отмечали Новый год, устанавливали ёлку. Родители пекли детям лепёшки и раздавали их как новогодние подарки. В Кусье Нионила Исаковна окончила 9 классов, а 10 класс она закончила в посёлке Пашия.

Сразу после школы Нионилу отправили работать на Белый Тырым учителем начальных классов. Школа была небольшая, двухкомплектная, старшим учителем работала Могилевская Таисья. «Свой первый урок запомнила на всю жизнь – вспоминает Нионила Исаковна – без опыта работы, без навыков и знаний. Помню, сколько сразу сделала ошибок. На доске написала 1 сентября и в одном слове допустила две ошибки, потом сказала детям, что «обутки» нужно снимать в коридоре. Вспоминая свои первые оплошности сейчас, становится смешно и стыдно одновременно». В этой школе она проработала один год. Затем перешла работать в школу в Федотовку. В 1953 году Нионилу Исаковну перевели работать в кусьинскую школу, которая располагалась по улице Пионерской. Директором школы работал Николай Андреевич Оборин. С особой теплотой вспоминает Нионила Исаковна коллектив учителей, детей и родителей, которые встретили молодую учительницу с добротой и уважением. Нионила Исаковна всегда занимала активную жизненную позицию, работала заместителем директора по воспитательной работе, секретарём комсомольской, а позднее и партийной организации. Только когда ей исполнилось 70 лет, она ушла на заслуженный отдых. Нионила Исаковна воспитала троих детей, в настоящее время у неё четыре внука и одна правнучка. Самых близких родственников осталось двое. Брат Александр вернулся на родину в Белоруссию и в настоящее время живёт в Могилёве. Сестра Ольга, долгое время проживала в Кабарде, сейчас переехала с мужем к сыну в Сургут. Сегодня Ниониле Исаковне 82 года, но она по-прежнему молода душой, полна оптимизма и сил, является солисткой хора «Родные напевы».

Воспоминания Веры Дмитриевны Донец

До начала 30-х годов наша семья жила в Краснодарском крае. В 1930 году моих родителей во главе с отцом выслали в Пермскую область, Ныробский район, посёлок Богатырёво. В то время там была самая глухомань. А за что выслали родителей из родного села, они и сами не знали. Мама рассказывала, что в 1929 году начали организовывать коммуны - колхозы и заставляли вступать в колхоз, а все имущество сдавать. Отец сначала отказался вступать в колхоз, но его сразу предупредили, в случае отказа его посадят, а семью выселят, тогда он отдал в колхоз лошадей, быков, коров и вступил в колхоз. Но и это не помогло, в 1930 году пришли активисты и забрали весь инвентарь, телеги, плуги. В доме забрали всю посуду, одежду, все тряпки, не стесняясь, здесь же надевали отобранные вещи. У отца был полушубок из овчины, который он сам сшил, его тоже забрали. Он выделял кожи, сам шил сапоги и туфли на швейной ножной машине «Зингер», которую он купил, продав на базаре двух быков. А когда раскулачивали, то он снял с машинки челнок, шпульку и ещё кое-что и закрыл машинку на замок, а ключ повесил на чехол. Активисты, не проверив, погрузили её на телегу и увезли, а на утро вернулись, начали угрожать, но ничего не получили от отца. Поэтому забрали всю муку, зерно, даже хлеб, который испекла мать.

А за что? За то, что сами обрабатывали землю, сами пахали, сеяли, убирали урожай. Семья была большая восемь человек, а земельный надел давали только на мужчин, их в семье было трое: отец и два сына. Поэтому отец и брал землю в аренду, за неё платили налог, расплачивались деньгами и зерном. Хлеб продавали государству.

Дом у родителей был большой, крыша из черепицы, а двор был крыт соломой. В доме не было пола, он был земляной – так было у всех крестьян. А у настоящих помещиков были все полы крашеные, покрытые коврами. Наемная сила (работники) выполняли за них всю работу, им за это платили. По словам матери у этих помещиков было очень много земли, отара овец, много лошадей, они содержали свои лавки (магазины). Вот это были настоящие помещики, правда, в те времена они строили приюты и школы, не то, что в наше время. А наши родители были настоящие крестьяне, хлеборобы. Они сами себя кормили, одевали, обували. Сеяли лён, его мочили, сушили, мяли, трепали и пряли. Сами для всей семьи ткали ткань, шили одежду.

В те годы носили только самотканую одежду. В доме были керосиновые 7 – 8 линейные лампы. Надо было покупать керосин, соль, сахар, мыло. Вот и приходилось работать от зари до зари, для того чтобы можно было что – то продать и что – то купить. Вот за это крестьяне – хлеборобы и поплатились

В 1930 году всех, кто был предназначен к высылке, отправили на станцию Армавир, там всех погрузили в товарные вагоны и отправили на Урал. Никого не щадили – ни стариков, ни детей, ни женщин. Всех привезли в Пермскую область в посёлок Богатырёво. Там были построены бараки, вот в эти бараки и загнали людей на верную гибель. Люди, не привыкшие к суровому климату, попали сразу на лесоповал. Стали простужаться, болеть, а самое главное нечем было питаться. Люди умирали от истощения и непосильного труда. На одну семью давали 5 килограмм ржаной муки и немного гороха. Умирали целыми семьями.

После вырубki леса делянки раскорчёвывали вручную. Пила, топор, лопата и вага – для вспашки земли под посеvy – это весь инвентарь. Моя мать работала в колхозе, они сеяли рожь, овёс, ячмень. Работали за пустые палочки, потому что всё сдавалось на госпоставки, а то, что оставалось, шло на трудодни. Это были крохи.

К 1935 году жизнь стала немного налаживаться. Строили дома на две семьи, людей переселяли в квартиры. Построили школу семилетку, клуб, больницу. Колхоз стал подниматься, появилось животноводство, открыли ферму, мама там работала дояркой. В 1937 году я пошла в школу и проучилась там до 1942 года, окончила 5 классов, а 6 класс не пришлось закончить. В 1941 году началась война. Всё мужское население мобилизовали в армию, не спрашивая, есть у человека документы или нет. Во время репрессий все репрессированные были как крепостные, не было ни каких документов и даже никакой справки. Все документы находились у коменданта, у которого приходилось всё время отмечаться. Без разрешения коменданта нельзя было сходить в соседнюю деревню.

В 1930 году выселили из родного гнезда из Краснодарского края, а в 1942 году снова выгнали с насиженного места и отправили в Чусовской район в посёлок Усть-Тырым в старательскую артель «Горняк». И снова трудодни, снова бесправие, снова голод и унижения, снова комендатура. Отмечаться заставляли каждый месяц у коменданта Кузина Ивана Яковлевича.

Пятнадцатилетней девчонкой в 1943 году я пошла на работу. Работали по 12 часов, без выходных и отпусков. Председателем артели был Семён Григорьевич Ременец. Зимой работали в лесу, летом в забое на гидравлике. Породу размывали гидромонитором, а забойщики разбивали кувалдами камни. Женщины и подростки эти камни на носилках носили в отвал. В то время с нас молоденьких девчонок брали подоходный налог за бездетность 6%. Это смеху подобно!

Первый паспорт я получила сроком на один год в 1946 году, где стояла 38 статья. Я до сих пор не знаю, что она означает, а в 1950 году уже получила настоящий паспорт на 5 лет и без статьи. А до 1948 года мы были бесправные, нет паспорта и ты никто. наших родителей считали кулаками, а значит, они были врагами народа, а мы – дети врагов народа.

Своеё детство я не могу вспоминать без слёз. С самого раннего детства приходилось зарабатывать себе на кусок хлеба. Когда учились в школе, всех детей гоняли на прополку полей, пололи рожь, ячмень, овёс за пайку хлеба. Ходили босиком, потому что кроме лаптей нечего было надеть на ноги, одежда тоже была плохонькая. Убирали сорняки на полях осот, пырей. Исколешь все руки и ноги, да обожжешься весь крапивой, и это всё за 300 грамм хлеба чёрного, как земля. Вот такое было наше «счастливое детство». Прославляли Отца и Вождя всех времен и народов, который, без зазрения совести, одним росчерком пера отправлял в лагеря и на смерть тысячи людей.

Мой муж Григорий Фридрихович Донец был выслан вместе с родителями с Украины из Кировоградской области. Его отец часто говорил, что если бы ни эта коллективизация и раскулачивание, то Россия была бы самой богатой страной. Он в 1930 году вступил в колхоз, проработал там год конюхом, а в 1931 году его забрали и осудили на 5 лет. За что? Он и сам не знал. В конце 1931 года его неожиданно отпустили из тюрьмы и вместе с семьёй выслали в Красновишерск.

Пишу свои воспоминания ни от своего имени, а от имени нашего поколения, всех репрессированных, многих из которых уже давно нет на этом свете. Светлая и добрая им память.

История репрессий в Горнозаводском районе.

Информация из архивов и опубликованных материалов ГАРФ, ГАНИ, УВД Пермской области.

Память вокруг нас. Память поколений, история отдельных людей и целых народов. Главное, уметь её увидеть. Если вы хоть иногда выбираетесь за пределы Горнозаводска, то наверняка видели памятники и кресты, которые, казалось бы, не относятся ни к чему. Они

словно случайно возникают то там, то здесь, но эта случайность ложная. Каждый такой крест или малоприметный памятник – это история, и если заглянуть в архивы, то эта история оживет. А ведь есть еще те, кто умеет искать и видеть. Многие из этих, на первый взгляд неприметных, знаков памяти оставлены не в годы событий, а много позже, но напоминают они по-прежнему об истории. Таким является и проект "По рекам памяти", который лишь один из многих программ волон-

терского движения Молодёжного "Мемориала". Волонтеры этого движения тщательно изучают историю и архивы, по крохам собирая информацию о политических репрессиях в Пермском крае. Не оставили они без внимания и Горнозаводский район, пройдя его по рекам и оставляя свидетельство памяти в виде крестов и мемориальных досок.

Вот первый такой памятный знак - православный крест, расположенный на западной окраине поселка Кусье-Александровский.

Неспроста он тут расположен, ведь именно здесь была территория центральной зоны Кузьинского ИТЛ с 1946 по 1953 годы.

Знак неброский и в тоже время мимо не пройдешь - высота креста три метра. Поисковая экспедиция «По рекам памяти» установила его 26 июля 2003 года. Он - память о постыдной странице в истории нашей страны, о Кузьинском отделении ГУЛАГа - Кузьинлаге. В 30-е и 40-е годы здесь был расположен спецпоселок Куся, в котором на поселении проживали более 140 семей бывших «кулаков», а это в общей сложности почти три с половиной сотни человек, включая женщин и детей. Многие из них так никогда и не увидели родных мест, оставшись на суровой уральской земле навсегда. А с 1946 года спецпоселок превратился в уже упомянутый Кузьинлаг, который просуществовал 7 лет. Заключение Кузьинлага, список которых достигал 3300 человек, были заняты на горнодобывающих работах, промышленном и жилищном строительстве. Тяжелый труд и суровые условия приводили к тому, что многие погибали прямо в лагере.

Но если есть центральное управление от ГУЛАГа, то должны

быть и другие спецпоселки. Так и есть, на здании железнодорожного вокзала Теплой горы висит небольшая мемориальная доска из дерева. Это временный знак, который будет позже заменен постоянным, призванным напомнить, что здесь существовал спецпоселок Теплая Гора. В нем в 30-40-е годы было размещено 230 раскулаченных семей, общее число членов которых достигало семи сотен. И здесь многие остались, больше не вернувшись на родину. На временном мемориале стоит надпись «Памяти жертв политических репрессий», установлен этот временный знак 5 мая 2006 го-

да также участниками поисковых экспедиций, волонтерами «Мемориала».

Кроме того, это основной населённый пункт, в котором предполагается организовать сбор «устной истории» у местного населения.

По нашим данным в Тёплой Горе на настоящий момент находится около пятидесяти человек, которые официально признаны жертвами политических репрессий.

Такой же временный мемориал установлен и в поселке Вильва на центральном магазине поселка. Установили его 5 мая 2006 года, и надпись звучит также - «Памяти жертв политических репрессий». Но число пострадавших от раскулачивания семей другое – 170,

что означает почти шесть сотен человек всех возрастов.

В шестнадцати километрах от поселка Вильва на восток, на левом берегу реки Вильва расположено урочище Колдоватый. Теперь там стоит памятный крест высотой 3,2 метра, временно установленный 6 мая 2006 года и смененный на постоянный 6 мая 2007 года. Табличка гласит, что крест поставлен «Памяти жертв политических репрессий». Девять семей (около 25 человек) были размещены в существовавшем здесь ранее спецпоселке Колдоватый.

Временный мемориальный знак в виде трехметрового столба

был установлен экспедицией «По рекам памяти» 26 июля 2003 года и в 27 километрах на восток от поселка Вильва, на урочище Щегровитом, которое расположено в устье реки Щеграватко. Сейчас тут нет жителей, но в тридцатые-сороковые годы здесь находился спецпоселок Щегровитый, в котором проживало около двадцати семей, общей численностью около полусотни человек. Повернув с востока и отправившись на север от поселка Вильва, мы наткнемся на еще один па-

мятный крест. В 13,2 километра от Вильвы на север на левом берегу правого притока реки Вильвы – Березовки, располагается урочище Советский Север.

Когда-то здесь было крупное спецпоселение, в котором одновременно проживало 106 раскулаченных семей, что составляло не менее 335 человек. Этот временный знак – деревянный крест высотой два метра был установлен 1 сентября 2007 года участниками поисковой экспедиции города Горнозаводска, руководитель – Александр Сергеевич Врядий при помощи ОАО

«Горнозаводскцемент», ПУ № 35 и Д. Григорьева.

Если же от реки Вильвы пойти на северо-запад, то в восьми километрах будет обнаружен еще один знак, на этот раз в устье притока Вильвы - Малой Порожной. Знак выполнен из камня и гласит, что он

установлен «Памяти жертв политических репрессий» 7 мая 2006 года участниками поисковой экспедиции «По рекам памяти» и напоминает о спецпоселении Советский Север, в котором в 30-40е годы проживало 85 семей бывших «кулаков» около двух с половиной сотен человек.

Если вам стало интересно, если история, оживающая на глазах, не оставляет равнодушными, то помните, что вокруг немало свидетелей этой истории. Порой несправедливой, горькой и кровавой, но истории нашего края и России в целом. Научитесь её видеть.

Информация из анализа деятельности «Мемориала», проделанного Р.Р. Латыповым

Спецпоселения на территории Горнозаводского района

1. Азиатка	32. Подпорожный
2. Ближняя Кырма	33. Песчанка
3. Верхняя Койва	34. Пономарёва Грива
4. Верхняя Усьва	35. Порожный
5. Вижайский Курень	36. Промысла
6. Вильва	37. Рассольный
7. Воронки 1	38. Рассоха I, II
8. Воронки 2	39. Рубежный
9. Второй Тырым	40. Северное
10. Дальний Тырым	41. Серебрянка
11. Дальняя Кырма	42. Советский Север
12. Девятая Верста	43. Средняя Кырма
13. Долговка	44. Средняя Усьва
14. Зыковский	45. Старая Вильва
15. Ивановское	46. Сысоевский
16. Именнушенский	47. Тальский кордон
17. Именной	48. Теплая Гора
18. Калистратовка	49. Третий Тырым
19. Коврижный (лесоучасток)	50. Тюшевское
20. Колдоватый	51. Урайка
21. Комаров Лог	52. Уреф
22. Кордон Бедька	53. Урочище Граничное
23. Курень Кусья-Рассоха	54. Усть-Кумыш
24. Кусье-Александровский	55. Усть-Тырым
25. Лесоучасток (квартал) №34	56. Федотовка
26. Медведка	57. Чекмень
27. Нижняя Усьва	58. Чизма
28. Осиновка	59. Шалдинский
29. Осиновый Суходол	60. Щегровитый
30. Пашийка	61. Южный Басег
31. Первый Тырым	

This image shows a single sheet of white paper with horizontal blue ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.